

NR 2 (5) – 2022

JEDNOŚĆ

PISMO MOSKIEWSKIEJ ORGANIZACJI POLONIJNEJ

Rok 2022 rokiem romantyzmu polskiego

Droгие читатели!
С удовольствием представляем вашему вниманию очередную выпуск журнала „Jedność”, который посвящён культуре Польши.

Drodzy czytelnicy!
Z przyjemnością przedstawiamy Państwu kolejny numer czasopisma „Jedność”, poświęcony kulturze Polski.

Электронные версии всех выпусков доступны по ссылке:
<https://clck.ru/32V8ef>

**NASI REDAKTORZY:
НАШИ РЕДАКТОРЫ:**

▶ REDAKTOR NACZELNY – DIANA DEMIDKO
(ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – ДИАНА ДЕМИДКО)
e-mail: diadema376@gmail.com

▶ REDAKTOR – JAN KARBOWNICKI
(РЕДАКТОР – ЯН КАРБОВНИЦКИЙ)
e-mail: jansk-27mu@ya.ru

..*..*..*..*

**NASI AUTORZY:
НАШИ АВТОРЫ:**

▶ WIKTORIA BERDYCZEWSKA (ВИКТОРИЯ
БЕРДИЧЕВСКАЯ)
e-mail: berdicvika@mail.com

▶ HELENA DEMIDKO (ЕЛЕНА ДЕМИДКО)
e-mail: edemidko76@gmail.com

▶ JANINA IGNATOWA (ЯНИНА ИГНАТОВА)
e-mail: alzhbetka@gmail.com

▶ SERGIUSZ JUDIN (СЕРГЕЙ ЮДИН)
e-mail: sergeyacar@gmail.com

▶ ANASTAZJA KARDANOWA (АНАСТАСИЯ
КАРДАНОВА)
e-mail: grand1997@rambler.ru

▶ ALEKSANDRA KLONOWA (АЛЕКСАНДРА
КЛЁНОВА)
e-mail: klenova1991@yandex.ru

▶ ANNA KOMAROWSKA (АННА КОМАРОВСКАЯ)
e-mail: a-skobelina@inbox.ru

▶ ANNA KRAWIEC (ИЛУСТРАЦИИ)
АННА КРАВЕЦ (ИЛЛЮСТРАЦИИ)
e-mail: kravec.anna.95@gmail.com

▶ WŁODZIMIERZ KULIK (ВЛАДИМИР КУЛИК)
e-mail: arzt2006@mail.ru

▶ WANDA ŁAKTAJEWA (ВАНДА ЛАКТАЕВА)
e-mail: laktaeva-ea@rambler.ru

▶ ALEKSANDER MUSTAFIN (АЛЕКСАНДР
МУСТАФИН)
e-mail: alexanderwsh@gmail.com

▶ ALEKSY PRILIPUCHOW (АЛЕКСЕЙ ПРИЛИПУХОВ)
e-mail: alexpril@gmail.com

▶ MARIA ZIELENOWA (МАРИЯ ЗЕЛЕНОВА)
e-mail: ma.zelenova@gmail.com

Nakład: 500 egzemplarzy
Тираж: 500 экземпляров

W NUMERZE:

3 Wywiad z Witaliuszem Zadwornym / Интервью с Виталием Задворным

6 Polska nie da się zapomnieć / Польша не забывается

7 Twórczość Piotra Michałowskiego / Творчество Петра Михаловского

10 Popularne kolędy polskie / Популярные польские коленды

14 Życie polonijne / Полонийная жизнь

16 Wywiad z księdzem Jerzym Kobro, siostrzeńcem Katarzyny Kobro / Интервью с отцом Георгием Кобро, племянником Катажины Кобро

20 Liceum im. św. Stanisława Kostki w Warszawie / Лицей имени св. Станислава Костки в Варшаве

22 Jęłań Stalingradzka / Елань Сталинградская

26 Zygmunt Krasiński – ideolog szlachty / Зыгмунт Красиньский – идеолог шляхты

28 Polskie instrumenty ludowe / Польские народные инструменты

30 Krzyżówki dla dzieci / Кроссворды для детей

Интервью с Виталием Задворным

Wywiad z Witaliuszem Zadwornym

Dum vivimus, laborare debemus.

Пока мы живы, мы должны работать.

(латинский афоризм)

Наш сегодняшний гость – Виталий Леонидович Задворный, кандидат философских наук, главный редактор Католической энциклопедии и директор Музея Римско-католической Архиепархии в Москве.

– Виталий Леонидович, ваша первая масштабная научная работа – диссертация – была посвящена польскому философу Витело. Чем он для вас интересен? Почему привлёк ваше внимание?

– Во-первых, это интерес к Польше. К польской истории, к польской философии, к польской науке. Во-вторых, Витело стоит у самых истоков, это первый польский философ и первый польский учёный. Он прославился главным образом своим масштабным сочинением по оптике – «Перспектива». И это был такой фундаментальный труд, который на протяжении всех Средних веков, вплоть до Нового времени, считался основополагающим трудом по оптике. Меня всегда интересовали самые истоки зарождения культуры, зарождения государственности. И, конечно же,

фигура Витело меня этим тоже привлекла. Кроме того, на русском языке почти ничего не было о нём известно. Поэтому, конечно, познакомить с ним русскую науку и русскую общественность тоже казалось важной задачей.

– Потом ваш интерес сместился от философии в сторону религии...

– Не совсем так. Я к тому времени уже занимался историей Церкви, историей религиозной философии. Ведь Витело тоже, как любой средневековый философ, не мог быть чужд религиозной тематике. Например, он написал очень интересное сочинение о природе демонов, в котором он не только рассуждает, есть ли демоны или нет, но и касается разных философских вопросов. Конечно, в конце 80-х годов, когда я предложил эту тему в Институте философии Академии наук СССР, уже была эпоха перестройки, но исследование религиозных философов всё ещё не было приоритетным направлением. Поэтому выбор пал как раз на такую компромиссную фигуру, и тему сразу же утвердили на научном совете. Так как это было очень интересно всем и ново.

– Расскажите о вашей работе над Католической энциклопедией, где вы являетесь не только главным редактором, но и автором множества статей. Близится ли эта работа к завершению?

– Да, эта работа завершилась. Мы издали пять томов, достаточно объёмных. Но всего пять томов. Конечно, это не сравнится с Православной энциклопедией, в которой предполагается 75 томов.

– Для неё ведь вы тоже писали статьи?

– Да, вначале писал статьи о римских папах и для Православной энциклопедии, но потом работа над Католической энциклопедией меня полностью поглотила. Я в этот период даже отказался от преподавания. Пять лет я нигде не читал лекции, а если выступал на конференциях, то только в связи с энциклопедией.

Римская презентация второго тома Католической энциклопедии 19 октября 2005 г. Вручение книги папе римскому Бенедикту XVI

– Как началась и проходила эта масштабная работа?

– Мы начали её в прошлом тысячелетии, в прошлом веке. Редакционно-издательский совет энциклопедии был сформирован 24 сентября 1996 года декретом Архиепископа Тадеуша Кондрусевича. Конечно, было сложно начинать с нуля. И первым делом нужно было составить «словник» – то есть перечень тех персоналий и тем, которые мы будем освещать. Эта работа продолжалась примерно год. Потом мы в нашем коллективе его дополнили, издали в количестве 100 экземпляров и раздали на рецензирование ведущим российским и зарубежным учёным. После этого мы обсудили рецензии, многое приняли, кое-что отвергли. В конце концов у нас уже было ясное представление о том, куда нам нужно двигаться. Конечно, энциклопедия краткая, в отличие от Православной энциклопедии, поэтому многие вещи в неё не были включены, и по некоторым персоналиям шли жаркие дебаты – включать их или не включать, потому что объём был ограничен.

– Вы уже два года – директор музея Римско-католической архиепархии в Москве. Доступен ли он для широкой публики?

– К сожалению, сейчас недоступен,

потому что он пока не открылся. Хотя уже два года мы пытаемся что-то сделать, но внешние обстоятельства работают против нас. Мы уже подготовили экспозицию, но из-за отсутствия финансирования мы пока не можем её открыть. Поэтому мы сейчас пошли другим путём, финансово менее затратным. Это организация временных выставок. И мы провели первую выставку – «Воскресение христианского Востока», посвящённую восстановлению и укреплению духовной жизни в Сирии. Сирийские фотографы прислали около 140 работ, лучшие из них стали частью экспозиции. Выставка продолжалась три месяца и проходила в крипте Кафедрального собора Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

Следующая выставка, которая у нас планируется, будет называться «Табернакли Флоренции». Это один из видов уличных икон, которые во Флоренции очень распространены и представляют собой особый жанр в религиозном искусстве. А ещё одну выставку я планирую посвятить Польше, а именно – Кракову эпохи самого известного польского историка XV века Яна Длугоша. В настоящее время мы готовим перевод с научными комментариями «Анналов» Яна Длугоша для серии «Литературные памятники».

– У вас есть ещё один научный интерес – это история европейской гастрономии...

– Да, я уже почти 10 лет занимаюсь также историей гастрономии. Есть много публикаций, а ещё я читал курс лекций, который назывался «Католическая гастрономия с Виталием Задворным», где рассказывается, какой огромный вклад Католическая Церковь внесла не только в европейскую культуру, не только в европейскую цивилизацию, в сохранение наследия греко-римского мира, но и в гастрономию. Ещё есть очень интересные католические кулинарные традиции Рождества и Пасхи, особенно Рождества. Польские 12 блюд, которые готовятся перед Рождеством, – это прекрасно. Недавно одно из краковских издательств обратилось ко мне с предложением издать мою «Католическую гастрономию» под названием „*Smaki katolickie*”. Книга уже переведена на польский язык и, надеюсь, выйдет в следующем году.

– Помните ли вы, как в первый раз оказались в Польше?

– Я приехал туда четырнадцатилетним

мальчишкой. Мой отец, работая в международной организации, забрал меня с собой, и я пошёл там в восьмой класс учиться. И, конечно, это был совсем другой мир. Я был настолько поражён и увлечён этим, что это сразу же меня сделало поклонником, адептом, пропагандистом польской культуры. Хотя я учился в русской школе, международным языком общения в нашей школе был польский, а не русский. Поэтому польский язык я выучил не по учебникам, а в жизни. Потом я ещё немножко брал уроки по грамматике, подтянул правописание. Уже на четвёртом году своего пребывания в Польше я не только говорил, но и думал по-польски.

– Сколько лет вы там прожили?

– Пять лет своей юности. Потом я ещё был там в 1977 году, приезжал на месяц. Затем, уже после защиты диссертации, я ездил читать лекции по истории Католической Церкви в России. Также у нас были презентации нашей Католической энциклопедии в Теологической академии в Варшаве, в Ягеллонском и Люблинском университетах.

– Есть ли у вас любимый город в Польше или какие-то значимые для вас места?

– Есть! Однозначно Варшава, это „*pierwsza miłość*”. Я знаю, что Краков красивый, он замечательный. Но Варшава – это для меня что-то особенное, люблю её до слёз.

– Ваше любимое воспоминание о Польше?

– Любимых воспоминаний очень много. Что чаще всего вспоминается? Когда я учился в школе, то в этой нашей школе не было французского языка, а я в Москве учился во французской спецшколе. И поэтому я ходил заниматься французским к учительнице-польке, которая жила *na Rynku Starego Miasta*. И я помню, как иду вечером через парк Красиньских, уже смеркается. Осень, осыпается листва. Я подхожу к крепостным стенам Старого Города и через башню Барбакан вхожу в средневековый город. Замечательно сияют витрины, старинные фонари вокруг, брусчатка. Я подхожу к дому. Стучусь. Вхожу. Поднимаюсь по лестнице. И этот мир польского Средневековья, в который я входил в юности, до сих пор волнует моё воображение.

– Расскажите, пожалуйста, про свой новый проект – энциклопедия «Поляки России».

– Это будет очень интересный проект.

И, конечно же, абсолютно новаторский. У нас нет никакого всеобъемлющего энциклопедического справочника о поляках в России, а ведь их вклад в русскую культуру огромен. Кто инициатор русского космизма? Польский шляхтич Циолковский. Огромное количество польских архитекторов, которые строили Москву и в XIX веке, и при советской власти: Томаш Богданович-Дворжецкий, Леон Даукша, Вячеслав Олтаржевский, Ян Жолтовский. Множество учёных, в т.ч. математиков, среди которых Софья Ковалевская. И, конечно же, польские епископы и священники, так как Католическая Церковь в России была преимущественно польской. Будут там представлены и польские княжны, которые выходили замуж за русских князей, как, например, Гертруда – жена князя Изяслава Ярославича. Сейчас мы на этапе составления «словника», я надеюсь к Рождеству этого года его обсудить и утвердить, а с начала следующего года приступить к написанию статей.

Да, ещё важный момент. Мы не только включаем в Энциклопедию людей, персоналии, но также и города, в которых существовала и ныне существует польская диаспора – это Москва, Петербург, Краснодар, Владимир и другие города. То есть у нас ещё и «польская география».

– Есть ли какая-то фраза – девиз, заповедь или философское изречение – которая вас по жизни ведёт, или которую вы часто вспоминаете?

– Хороший вопрос. У меня очень много разных латинских фраз в голове. Но всё же есть одна, наверное, главная, я ее даже повесил в рамке в кабинете для своих сотрудников в качестве девиза, чтобы они каждый день видели и вдохновлялись – „*Dum vivimus laborare debemus*”: «Пока мы живы, мы должны работать».

– Виталий Леонидович, как вы отдыхаете, как разгружаете голову?

– Это для меня самый трудный вопрос в этом интервью. В отпуске я уже не был лет 15-20. Я не помню, как туда идти, в этот отпуск, но, в общем, мечтаю. Может быть, мне кто-нибудь подскажет, как пройти туда.

ТЕКСТ: МАРИЯ ЗЕЛЕНОВА

Polska nie da się zapomnieć

Польша не забывается

Reżyserka filmów dokumentalnych Ksenia Sacharnowa jest związana z Polską od pierwszego dnia życia, bo urodziła się w Warszawie. Pięknie mówi po polsku i aktywnie promuje polską kulturę.

– Często dostaję zapytania, jak się zdarzyło tak, że przyszłam na świat w Polsce? – mówi Ksenia. Moi znajomi są ciekawi, czy jestem córką żołnierza. Wcale nie!

Ksenia pochodzi z rodziny dyplomatów, która mieszkała w Polsce od 1979 do 1993 roku. Przyszła reżyserka miała 11 lat, kiedy opuściła ten kraj.

Zegar, pawie i budynek przy Sobieskiego

Dziękując wspomnienia Kseni są związane z dwoma polskimi miastami: Warszawą i Gdańskiem.

– Kiedy mieszkaliśmy w Warszawie, – mówi, – lubiłam patrzeć na zegary słoneczne, które znajdują się przy fontannie na tarasie południowym Pałacu na Wyspie. Będąc dzieckiem, próbowałam zgadnąć, która jest godzina. Również pamiętam pawie w Parku Łazienkowskim. Kiedy spacerowałam tam, raz za razem czekałam, aż jeden z nich rozłoży swój kolorowy „wachlarz” z piór.

W stolicy Polski rodzina Kseni najpierw mieszkała w domu 100. przy ulicy Jana III Sobieskiego. Ale reżyserka tego nie pamięta, bo miała zaledwie 1,5 roku, kiedy jej rodzina przeprowadziła się do innego mieszkania. To był budynek przy ulicy Litewskiej, który stał się jednym z najważniejszych symboli lat, spędzonych w Warszawie.

– Mieszkaliśmy w tym budynku dwa lata, a w pobliżu znajdował się Dom Kultury, – opowiada Ksenia. – Moja mama prowadziła tam imprezy muzyczne. A ja i moja siostra bawiłyśmy się na podwórku.

Na początku lat 1990. rodzina Kseni przeniosła się do Gdańska. Z tym miastem są związane wspomnienia Kseni o pierwszym zetknięciu z twórczością Henryka Sienkiewicza:

– Kiedy uczyłam się w piątej klasie, moja

szkoła została zamknięta. Zaczęłam chodzić do polskiej szkoły. Pamiętam, jak poszłam do biblioteki i wzięłam powieść Henryka Sienkiewicza „W pustyni i w puszczy”. To była pierwsza znaczna książka w języku polskim, którą przeczytałam.

Przeprowadzka do Rosji

W 1993 roku rodzina Kseni przeprowadziła się do Moskwy. Dziewczynka nie miała żadnego pojęcia o rosyjskiej kulturze.

– Nawet nie wiedziałam, jak się nazywają po rosyjsku filmy, które należą do światowej klasyki. Nie wyobrażałam sobie, że „Унесённые ветром” to „Przeminęło z wiatrem”, „Индiana Джонс: в поисках утраченного ковчега” to „Poszukiwacze zaginionej Arki”. Jeśli chodzi o kinematografię, – dodaje Ksenia, – mogę powiedzieć, że uwielbiam film „Дежа ву”, w którym główną rolę zagrał Jerzy Stuhr. To jeden z moich ulubionych aktorów.

Od 1993 do 2005 roku Ksenia prawie nie mówiła po polsku. Ale pewnego dnia reżyserka jechała tranzytem przez Polskę, wspominając swoje dzieciństwo, i zechciała przywrócić język, którym się kiedyś posługiwała.

– Zaczęłam uczyć się polskiego na kursach w Instytucie Kultury Polskiej w Moskwie, częściej jeździć do Polski, odwiedziłam miejsca, związane z moim dzieciństwem, – opowiada Ksenia. – Byłam na festiwalach filmów w Warszawie i Krakowie, robiłam wywiady z polskimi aktorami i reżyserami, m. in. z Andrzejem Żuławskim. Krakowski festiwal pomógł mi wybrać zawód, bo dzięki niemu zainteresowałam się kinematografią dokumentalną. Nawet przetłumaczyłam niektóre polskie filmy na język rosyjski, w tym znany film „Salto” Tadeusza Konwickiego.

Z Polską są związane plany Kseni na przyszłość:

– Bardzo chcę stworzyć film o swoim dzieciństwie, które spędziłam w tym kraju, opowiedzieć o miejscach, które pamiętam, i o Polakach, których znam. To będzie dokumentalna opowieść. Mam nadzieję, że kiedyś uda mi się spełnić to marzenie.

TEKST: ALEKSANDRA KLONOWA

Twórczość Piotra Michałowskiego

Творчество Петра Михаловского

„Cóż za niesamowite niebo na tym obrazie!” – pomyślałam – „To niesamowite, jak można namalować takie piękno za pomocą kilku tubek farby!”

*Generał Dwernicki na czele 2 pułku ułanów
Ok. 1840. Olej na płótnie. 74 x 117 cm.
Muzeum Narodowe w Krakowie*

Podczas pierwszego obejrzenia obrazu z bliska wydawało mi się, że artysta przez przypadek rozlał płyn na świeży rysunek i niedbale zmiotł resztki z płótna szmatką. Ale odsuwając się trochę, zdałam sobie sprawę, że to jest arcydzieło. I dopiero po obejrzeniu nieba spojrzenie pada na scenę bitewną: ludzie i konie jasnymi plamami jakby wychodzą z głębi płótna...

Tak zaczęła się moja znajomość z twórczością słynnego polskiego malarza XIX wieku – Piotra Michałowskiego.

Pochodzący z zamożnej szlacheckiej rodziny senatora Piotr Michałowski urodził się 2 czerwca 1800 roku pod Krakowem. Niewiele zachowało się informacji o dzieciństwie Piotra, nieliczne źródła podają, że „...jego talent artystyczny rozwinął się w młodym wieku 13 lat pod ścisłą kontrolą kilku artystów, w tym Michała Stachowicza, Józefa Brodowskiego i Franciszka Lampiego”. Oczywiście Piotr nie był przygotowywany do zawodu artysty, tylko do służby cywilnej; miał doskonałe wykształcenie: w latach 1815-1820 studiował nauki ścisłe i przyrodnicze oraz filologię na Uniwersytecie Jagiellońskim.

W ciągu następnych dwóch lat Piotr Michałowski przenosi się do Niemiec i studiuje nauki przyrodnicze i prawo w Getyndze (1821-1823).

*Autoportret.
Po 1849. Olej na płótnie. 54 x 45 cm.
Muzeum Narodowe w Warszawie*

W tym okresie studiów na Uniwersytecie zajęcia malarskie nie były dla Piotra Michałowskiego czymś bardzo ważnym, ale zgodnie z powołaniem on bierze korepetycje z rysunku (1817-1818).

Od 1823 roku młody specjalista Piotr Michałowski rozpoczyna służbę w Warszawie jako praktykant. Ponieważ pochodzi z zamożnej rodziny, przed rozpoczęciem pierwszej pracy odwiedza Szwajcarię, Włochy, Australię (1825 r.) i dopiero w 1826 r. rozpoczyna służbę cywilną.

Rysunki z lat 1819-1832 są dość naiwne, ale już w pewnym rodzaju urzekające.

Czasami są schematyczne, wykonane

ołówkiem. Nie można ich jeszcze określić jako dzieło sztuki. Rysowanie dla Piotra jest tylko pasją.

Pierwsze zawodowo wykonane obrazy Michałowskiego są stworzone w 1832 roku. Wykonane są akwarelą lub ołówkiem „pod wpływem twórczości A. Orłowskiego i S. Werneta”. Fascynująca jest dokładność rysowania koni – każdy mięsień, gra światła i cienia ...wszystko jest zachwycające. Taka technika jest bardziej charakterystyczna dla realizmu, niż klasycyzmu, do którego zazwyczaj zalicza się twórczość Piotra Michałowskiego. Ponadto postacie i krajobrazy są niewyraźne, jak szkice.

Stajenny z koniem
1832-1835

Obrazy koni w twórczości artysty znajdują się na prawie każdym płótnie, en face, w profilu, w ruchu. Konie są zupełnie różne: białe, szare, cętkowane, ale zawsze urocze. Obrazy uwidoczniają nie tylko piękno tych majestatycznych zwierząt, lecz także ich grację, siłę.

W 1831 roku Piotr Michałowski poślubił Julię Olimpię Ostrowską, która przyniosła mu dobry posag i 7 dzieci w ciągu następnych szesnastu lat.

Podczas Powstania Listopadowego w latach 1830-1831 Piotr Michałowski jest kierownikiem działu zajmującego się wytwarzaniem produktów na potrzeby armii. Po stłumieniu Powstania Piotr

Michałowski emigruje do Francji (2.03.1832 r.), gdzie bada w muzeach dzieła artystów hiszpańskich, holenderskich i flamandzkich.

W tych latach w jego twórczości pojawia się coraz więcej pejzaży wykonanych techniką „szerokiego pociągnięcia pędzla”.

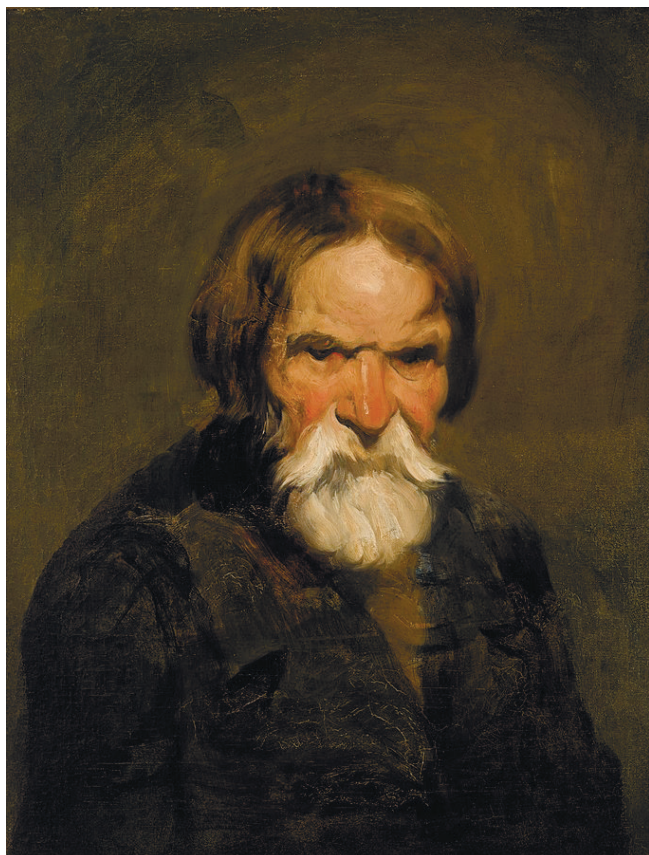
Jezioro w górach
1832. Akwarela. 22 x 29,5 cm.
Muzeum Narodowe w Warszawie

W 1835 roku artysta udaje się do Londynu, a potem wraca do Krakowa, gdzie wynajmuje pracownię malarską i wybiera malowanie obrazów jako główne swoje zajęcie. W tym czasie talent mistrza rozwija się i rośnie. W 1837 roku ojciec Piotra umiera, a artysta wraz z rodziną przenosi się do posiadłości rodzinnej Krzyżoporzyce, gdzie prowadzi gospodarstwo. Ale rolnictwo w żadnym wypadku nie zamienia ulubionej rzeczy – malarstwa. Piotr Michałowski

w swoim rodzinnym domu buduje pracownię artystyczną, w której tworzy swoje arcydzieła. W 1838, 1840 i 1843 roku artysta odwiedza różne kolekcje dzieł sztuki w Wiedniu, co znajduje również odzwierciedlenie w jego twórczości.

Wpływ prac Velazqueza można zauważyć na portrecie „brodatego chłopca”. Jest on przedstawiony na ciemnym tle i nie odwraca uwagi od wyrazu i rysów twarzy. Portrety artysty z lat 1840-1845 wyróżniają się niezwykłą realistycznością. To są już dzieła prawdziwego mistrza.

Studium brodatego chłopca
1840-1848. Olej na płótnie. 67 x 53 cm.
Muzeum Narodowe w Krakowie

W 1840 roku Piotr Michałowski przeniósł się do posiadłości rodzinnej Bolestraszyce pod Przemyślem.

W swoich posiadłościach ziemskich zarówno w Krzestoporzycach, jak i Bolestraszycach Piotr Michałowski cieszył się sławą nie tylko jako malarz, ale także jako nowoczesny i wydajny rolnik i mecenas sztuki. Działalność rolnicza oraz społeczna znalazła swoje odzwierciedlenie w twórczości artysty, którego uważa się za przodka romantyzmu w malarstwie polskim.

Od 1848 r. Michałowski jest mianowany gubernatorem Krakowa, zakłada

sierociniec; wspiera finansami także przez wiele lat ofiary nieurodzaju, pożaru, chorób.

Buhaj wyprowadzany z obory
Ok. 1845. Olej na płótnie. 47 x 58 cm.
Muzeum Narodowe w Krakowie

Po przeprowadzce do Krakowa Piotr Michałowski kupuje Dwór Wodzickich obok klasztoru Karmelitów, gdzie w 1854 r. wynajmuje dwa duże pomieszczenia i stwarza tam warsztaty artystyczne. Ale niestety w 1855 roku choroba serca nie pozostawia mu szansy na twórczość w nowych warsztatach. Piotr Michałowski został pochowany na cmentarzu Rakowickim, pozostawiając po sobie ogromne dziedzictwo twórcze.

Z obrazami Piotra Michałowskiego obecnie można się zapoznać m.in. w muzeach Warszawy, Krakowa, Wrocławia, Poznania. Jego twórczość zwykle nazywa się rewolucyjną dla Polski, odkrył on romantyczność życia na wsi i heroizm wojennych bitew. We wszystkim wyprzedzał swój czas: w sztuce, rolnictwie, ekonomii, polityce.

Jego imię nie zostało zapomniane przez potomków do dziś. W 1972 roku Poczta Polska wydała znaczek przedstawiający reprodukcję słynnego obrazu „Amazonka” tego artysty. A w 2012 roku Polski Bank Ludowy ku pamięci Piotra Michałowskiego wyemitował monety o nominałach 2 i 20 zł z serii „Artyści polscy XIX-XX wieku”.

Piotr Michałowski jest jednym z najświetniejszych synów swojej ojczyzny, Wielkiej i Niepodległej Polski.

Ilustracje ze strony
<http://www.pinakoteka.zascianek.pl/>

TEKST: HELENA DEMIDKO

Популярные польские коленды

Popularne kolędy polskie

Наверное, нигде рождественские песни не стали чем-то таким национальным, так сильно любимым и почитаемым всем народом, как в Польше.

Исследователь польских рождественских песен
Станислав Добжицкий (*Stanisław Dobrzycki*)

В культурных традициях Польши особое место отведено Рождеству (польск. *Boże Narodzenie*). Рождество считается семейным праздником, отмечают его обычно в кругу близких людей. Неотъемлемой частью главного польского праздника являются коленды („*kolęda*” — польск. «коляда») — традиционные рождественские песни, повествующие о знаменательном событии христианского мира — рождении Спасителя. Колядовать — петь рождественские песни, получая за это угощение и подарки.

Коленды и пасторалки (от „*pasterz*” — польск. «пастух») — два типа польских рождественских песен: коленды — религиозные песни, посвящённые Рождеству, а пасторалки — светские пастушеские, сельские песни, которые также прославляют рождение Христа, но не признаются церковью догматически верными.

Тон пасторалок весёлый и связан он, разумеется, с Рождеством, но, в отличие от коленд, придерживающихся строгой линии повествования, строй пасторалок более свободный, и можно их сравнить с частушками на тему Рождества. Но сам термин «коленда» преобладает в Польше, и о пасторалке мы услышим редко. Примеры польских пасторалок: „*Lulajże, Jezuniu*”; „*Jezus malusieńki*”; „*Oj, maluśki, maluśki*”.

Коленды — это, по сути, народные песни, которые, как и все народные песни, отражают характер людей, создавших их. Мелодии бывают колыбельные, задорные, грустные, нежные, радостные — как сами польские крестьяне или горцы.

Песни выражают местное сознание,

отражающее неповторимый польский дух.

Существуют собственно польские колядки и «странствующие» песни, слова и музыке которых знают во всём мире. Историю появления колядок в Польше исследователи связывают с Орденом францисканцев, которые пришли на польские земли уже в XIII веке. Именно с францисканцами в католической традиции связано почитание Иисуса-младенца. По преданию, именно основатель ордена св. Франциск Ассизский первым устроил рождественские ясли (*żłobek*), которые теперь являются основой так называемых шопок (*szopka*) или рождественских вертепов (воспроизведение сцены Рождества Христова), без которых не обходится празднование Рождества ни в одном католическом храме и ни в одном польском доме. Францисканцы организовали первые в Польше вертепы (передвижные представления), во время которых, видимо, также пели коленды.

Старейшей из известных польских коленд считается „*Zdrów bądź, Krolu Anielski*” («Приветствуем Короля Ангелов»). В конце XIX века текст коленды был обнаружен Александром Брюкнером в рукописи библиотеки Залуских в Санкт-Петербурге, происходящей из библиотеки викариев г. Вислицы. Текст был записан Яном Щекной (*Jan Szczekna*), капелланом королевы Ядвиги в 1424 г. Коленда, вероятно, была переводом с чешского оригинала („*Zdráv bud' králi andělský*”) или латинской песни „*Ave rex angelorum*”.

В начале XVIII века значительно возрос интерес к колендам. В это время официально укоренилось и само название рождественской песни. В то время появилась известная

польская коленда „*W żłobie leży*” («В яслях лежит»), автор — Пётр Скарга. Фридерик Шопен в «Скерцо №1 си минор» использовал мотив популярной коленды „*Lulaj że Jezuniu*”. Коленду „*Bóg się rodzi*” («Песня о рождении Господа») в ритме полонеза написал Франциск Карпиньский.

Одна из самых популярных польских коленд „*Wśród nocnej ciszy*” («Среди ночной тишины») появилась в конце XVIII — начале XIX веков. Впервые она была напечатана в 1853 г. отцом Михалом Марцином Медушевским в приложении к церковному песеннику. Речь Посполитая в XVIII веке распалась, поляки оказались под властью других государств, и они писали патриотические песни на мелодию именно этой колядки.

Популярная коленда „*Cicha noc*” («Тихая ночь»), переведена на многие языки мира и считается одной из самых узнаваемых рождественских песен, признана нематериальным культурным наследием ЮНЕСКО. Песня создана в 1818 г. в Австрии в селе Оберндорф. Текст песни написал Йозеф Мор, поэт, викарий церкви св. Николауса, а музыку — Франц Грубер, школьный учитель, композитор и органист. В оригинале колядка написана на немецком языке и называется — „*Stille Nacht*”.

С музыкальной точки зрения коленды — это очень простые мелодии, которые почти всегда являются основными трёхаккордовыми последовательностями. Конечно, любой церковный органист мог бы легко исполнять эти знакомые мелодии год за годом без большой практики. Точно так же народные музыканты могут умело аккомпанировать своим друзьям и семьям, стремящимся подпевать. Возможно, именно эта музыкальная простота позволила колендам уловить польский дух и сохраниться на протяжении многих поколений. Исполнители соревнуются в мастерстве обработки коленд, а потому можно услышать множество вариаций одной и той же песни. Рождественские коленды дарят настроение и ожидание чуда. Ничто так не заставляет вспомнить о Рождестве, как первые звуки рождественской песни.

Всего в Польше известно более 1500 коленд и пасторалок — как авторских, так и народных, чисто польских и переведённых с других языков. Этот вид религиозной и одновременно светской песни получил

всенародную любовь.

Приведём несколько известных польских коленд:

1. *Ach ubogi żłobie*
2. *Bóg się rodzi*
3. *Przybieżeli do Betlejem*
4. *Nie było miejsca dla Ciebie*
5. *Dzieciątko się narodziło*

Ach ubogi żłobie

1. *Ach ubogi żłobie,
Cóż ja widzę w tobie?*

*Droższy widok niż ma niebo,
W maleńkiej osobie. (x2)*

2. *Zbawicielu drogi,
Jakżeś to ubogi,*

*Opuścisz śliczne niebo,
Obrątesz bartłogi. (x2)*

3. *Czyżeś nie mógł Sobie,
W największej ozdobie,*

*Obrać pałacu drogiego,
Nie w tym leżeć żłobie? (x2)*

4. *Gdy na świat przybywasz,
Grzechy z niego zmywasz,*

*A na zmycie tej sprośności,
Gorzkie łzy wylewasz. (x2)*

Автор слов неизвестен. Первая строфа была написана в сборниках гимнов середины XVII века, следующие можно найти в песеннике Медушевского 1838 года под названием «Церковный песенник» (религиозные песни с мелодиями, которые использовались в католической церкви). Известная в настоящее время мелодия была написана в середине XIX века Петром Студзиньским.

В тексте гимна лирический субъект обращается к Спасителю, лежащему в яслях, недоумевая, что он выбрал ясли вместо того, чтобы оставаться на небесах или жить во дворце.

Bóg się rodzi

1. Bóg się rodzi, moc truchleje,
Pan niebiosów obnażony;
Ogień krzepnie, blask ciemnieje,
Ma granice nieskończony.
Wzgardzony okryty chwałą,
Śmiertelny Król nad wiekami;

A Słowo Ciałem się stało
i mieszkało między nami. (x2)

2. Cóż masz niebo nad ziemiany?
Bóg porzucił szczęście twoje
Wszedł między lud ukochany,
Dzieląc z nim trudy i znoje;
Nie mało cierpiał, nie mało,
Żeśmy byli winni sami,

A Słowo... (x2)

3. W nędznej szopie urodzony,
Żłób mu za kolebkę dano?
Cóż jest, czem był otoczony?
Bydło, pasterze i siano.
Ubodzy, was to spotkało
Witać Go przed bogaczami,

A Słowo... (x2)

4. Potem i Króle widziani
Cisną się między prostotą,
Niosąc dary Panu w dani:
Mirrę, kadzidło i złoto;
Bóstwo to razem zmieszało
Z wieśniaczymi ofiarami;

A Słowo... (x2)

5. Podnieś rękę, Boże Dziecię!
Błogosław krainę miłą,
W dobrych radach, w dobrym bycie
Wspieraj jej siłę swą siłą.
Dom nasz i majątność całą,
I Twoje wioski z miastami!

A Słowo... (x2)

Францишек Карпиньский написал текст этой песни о Рождестве Господа в конце XVII века на основе коронационного полонеза польских королей XVI века. Впервые коленда была спета в Старой приходской церкви в Белостоке в 1792 году. Рождественский гимн «Бог родился» считается королём польских рождественских гимнов.

Przybieżeli do Betlejem

1. Przybieżeli do Betlejem pasterze,
grając skocznie Dzieciąteczku na lirze.

Chwała na wysokościach, chwała na wysokościach,
a pokój na ziemi. (x2)

2. Oddawali swe ukłony w pokorze
Tobie z serca ohotnego, o Boże!

Chwała na wysokościach... (x2)

3. Anioł Pański sam ogłosił te dziwy,
Których oni nie słyszeli, jak żywi.

Chwała na wysokościach... (x2)

4. Dziwili się napowietrznej muzyce
i myśleli, co to będzie za Dziecię?

Chwała na wysokościach... (x2)

5. Oto mu się wół i osioł kłaniają,
Trzej królowie podarunki oddają.

Chwała na wysokościach... (x2)

6. I anieli gromadą pilnują
Panna czysta wraz z Józefem pilnują

Chwała na wysokościach... (x2)

7. Poznali Go Mesjaszem być prawym
Narodzonym dzisiaj Panem łaskawym

Chwała na wysokościach... (x2)

8. My go także Bogiem, Zbawcą już znamy
I z całego serca wszystko kochamy

Chwała na wysokościach... (x2)

Первоначальный текст коленды появился в XVII веке, затем подвергался многочисленным изменениям. В сегодняшнем виде сложился в XIX веке. Текст уже вместе с мелодией впервые появился в сборнике «Пасторали и коленды с мелодиями», изданном ксендзом М. Медушевским в 1843 году. В 1878 году коленда вошла в «Песенник» священника Яна Седлецкого.

Nie było miejsca dla Ciebie

1. Nowy rok bieży, w jasełkach leży,
A kto, kto?

Dzieciątko małe, dajcie mu chwałę,
Na ziemi. (x2)

2. Leży dzieciątko jako jagniątko,
A gdzie, gdzie?

W Betlejem mieście, tam się pospieszcie,
Znajdziecie. (x2)

3. Jak go poznamy, gdy go nie znamy,
Jezusa?

Podło uwity, nie w aksamity,
Ubogo. (x2)

4. Wół, osioł ziewa, parą zagrzewa,
A jakoż?

Kłęcząc, padając, chwałę oddając,
przy żłobie. (x2)

5. Anieli grają, wdzięcznie śpiewają,
A co, co?

Niech chwała będzie, zawsze i wszędzie
Dzieciątku. (x2)

6. Królowie jadą z wielką gromadą,
A skąd, skąd?

Od wschodu słońca, szukają końca
Zbawienia. (x2)

7. Skarb otwierają, dary dawają,
A komu?

Wielcy Królowie, możni Panowie,
Dzieciątku. (x2)

8. Pójdźcie Kapłani do tej to stajni,
A proście:

Niech w rękach waszych a ustach naszych,
Bóg roście. (x2)

9. Pójdź miła młodzi, Jezus się rodzi
W stajence,

Daryć przynosi, rączki podnosi,
Dziecięce. (x2)

10. Pójdźcie panienki do tej stajenki,
Kłękajcie,

Wasz oblubieniec da rajski wieniec,
Dziękujcie. (x2)

Польская рождественская песня XVII века. У этой коленды имеется множество вариантов текстов и мелодий. В XVIII веке её пели на мелодию полонеза „*Weźmę ja kontusz*” («Я возьму свой кунтуш»). Нынешние мелодии, исполняемые для этой коленды, скорее всего, относятся к XIX веку.

Dzieciątko się narodziło

1. Dzieciątko się narodziło,
wszystek świat uweseliło.

Wesoła nowina,
powiła nam Syna, Maryja! (x2)

2. Wzięło na się człowieczeństwo,
co pokryło Jego Bóstwo.

Wesoła nowina... (x2)

3. Trzej królowie przyjechali,
dary Mu trojakię dali.

Wesoła nowina... (x2)

4. Na to Boże Narodzenie,
wesel się wszystko stworzenie.

Wesoła nowina... (x2)

5. Świętą Trójcę wystawiajmy,
Bogu cześć i chwałę dajmy.

Wesoła nowina... (x2)

Латинский текст появился в XIV веке, польский — в XVII веке. Произведение основано на латинском тексте „*Puer natus in Bethlehem*” (XIV век). В Польше существует множество мелодий, на которые исполняется эта коленда.

**ТЕКСТ: ВЛАДИМИР КУЛИК,
АНАСТАСИЯ КАРДАНОВА**

Жыццё палонійнае Полонийная жыццё

ŚWIĘTO MATKI BOSKIEJ CZĘSTOCHOWSKIEJ

W dniu 26 sierpnia 2022 roku w Moskwie odbyły się uroczystości obchodów Święta Obrazu Matki Boskiej Częstochowskiej — głównej świątyni Polaków, zorganizowane przez Związek Organizacji Polskich „Jedność” w Rosji. Dla wszystkich polonusów jest szczególnie ważne poczucie wspólnoty narodowej i religijnej. Uczestnikami uroczystości byli nie tylko Polacy, mieszkający w stolicy rosyjskiej, lecz również Rodacy, którzy przyjechali z innych regionów, w tym prezesi dziesięciu organizacji polonijnych. Kilkadziesiąt osób było obecnych na Mszy Świętej, która odbyła się w Katedrze Niepokalanego Poczęcia Najświętszej Marii Panny. Msza była prowadzona przez wikarego parafialnego o. Iwana Kolesnikowa oraz ks. Dariusza Gojkę SDB (z Zakonu Salezjanów). Niektórzy uczestnicy spotkania założyli polskie stroje ludowe.

Po Mszy odbyło się uroczyste spotkanie polonijne. Członkowie ogólnorosyjskiego zrzeszenia Związek Organizacji Polskich „Jedność” rozmawiali o swoich planach. Jeden z najgłówniejszych celów to stworzenie encyklopedii „Polacy w Rosji”. Dyrektor Muzeum Rzymsko-Katolickiego Archidiecezji Matki Bożej w Moskwie — dr Witaliusz Zadworny jako prezes Polonijnej Rady Naukowej przy ZOP „Jedność” określił koncepcję encyklopedii.

Podczas zebrania polonijnego odbyła się

uroczystość przekazania eksponatów, zebranych przez członków ZOP „Jedność”, do Muzeum Rzymsko-Katolickiego Archidiecezji Matki Bożej w Moskwie: kopia pieczęci parafii pod wezwaniem Najświętszej Marii Panny Różańcowej i Świętej Barbary w Jekaterynodarze (Krasnodarze) oraz książka „Jadwiga: Święta Królowa na Polskim Tronie” autorstwa biskupa Władysława Bandurskiego (Kraków, 1910) z kolekcji prywatnej śp. Romualda Skokowskiego — znanego działacza polonijnego z Krasnodaru.

dr Witaliusz Zadworny oraz dr Aleksander Sielicki

W uroczystościach uczestniczyli Zastępca Ambasadora Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej — pan Radca-Minister Jacek Śladewski oraz prezes ZOP „Jedność” dr Aleksander Sielicki.

Prezes Helena Koniuchowa (Perm) oraz Radca-Minister Jacek Śladewski

ZDJĘCIA: MIKOŁAJ FEDECKI

POLACY W ROSJI CZYTAJĄ MICKIEWICZA

W dniu 3 września 2022 roku w Ogrodzie Saskim w Warszawie Para Prezydencka Rzeczypospolitej Polskiej zainicjowała tegoroczną światową akcję Narodowe Czytanie. Celem akcji jest pragnienie zjednoczyć Polaków z całego świata, pogłębić znajomość literatury narodowej, w której obszerne fragmenty dzieł odczytywane są publicznie, również w środkach masowego przekazu.

W roku bieżącym czytamy dzieła Wielkiego Wieszcz Adama Mickiewicza ze zbioru „Ballady i romanse”, wydanego w Wilnie w roku 1822, uważanego za początek polskiego romantyzmu – rdzenia polskiej świadomości narodowej.

Z okazji 200-letniego jubileuszu wydania zbioru poetyckiego, stanowiącego podwalinę epoki romantyzmu w literaturze polskiej Sejm RP ogłosił rok 2022 – Rokiem romantyzmu polskiego.

Polacy w Rosji, zjednoczeni w ogólnorosyjskim Związku Organizacji Polskich „Jedność” podjęli inicjatywę patriotyczną i zorganizowali cykl czytań na całym obszarze Federacji Rosyjskiej.

W dniu 10 września 2022 roku odbyło się czytanie w Moskwie, w którym główną rolę odegrali członkowie Moskiewskiej Organizacji Polonijnej „Jedność” oraz polonusi z Krasnodaru, Niżniego Nowogrodu, Noworosyjska i Soczi.

W imprezie wziął udział Ambasador RP w Federacji Rosyjskiej pan Krzysztof Krajewski wraz z Małżonką panią Aldoną Krajewską. Tegoroczne czytanie zostało zainaugurowane przez Parę Ambadorską, która zinterpretowała balladę „Powrót taty”. W repertuarze imprezy znalazły się także inne utwory Wieszcz: „Kurhanek Maryli”,

„Rękawiczka”, „Moja Pieszczotka”, „Do przyjaciół”, „Niepewność”, „Romantyczność”, „Przyjaciele”, „Pierwiosnek”.

W okolicznościowym wystąpieniu Ambasador podkreślił znaczenie akcji dla promocji polskiej kultury i języka polskiego. Z jego inicjatywy uczestnicy uczcili minutą ciszy zmarłą dwa dni temu Królową Elżbietę II, która jak stwierdził Ambasador była i pozostanie autorytetem dla wielu ludzi, podobnie jak nasz Narodowy Wieszcz Adam Mickiewicz.

Wszyscy goście otrzymali na pamiątkę dzisiejszego czytania okolicznościowe kubki wykonane przez Ambasadę RP w Moskwie promujące Rok Polskiego Romantyzmu. Autorką projektu graficznego jest polska artystka Natalia Łukomska.

Swoją kolejną akcję Czytania Narodowego kontynuowano przez organizacje członkowskie Związku Organizacji Polskich „Jedność” w Kazaniu, Krasnodarze, Niżnim Nowogrodzie, Permiu, Rostowie nad Donem i Włodzimierzu.

TEKST: SERGIUSZ JUDIN

Интервью с отцом Георгием Кобро, племянником Катажины Кобро Wywiad z księdzem Jerzym Kobro, siostrzeńcem Katarzyny Kobro

Катажина Кобро – художница-скульптор, авангардистка, внёсшая значительный вклад в польское искусство первой половины XX века, в частности в области конструктивизма, суперматизма и неоплатонизма. Училась у Казимира Малевича, работала с Владиславом Стшеминским и другими выдающимися художниками того времени. Имела опыт работы сестрой милосердия. Именно в тот период она познакомилась со своим будущим супругом, Владиславом Стшеминским, участником обороны крепости Осовец в Первой мировой войне. По свидетельству отца Георгия, племянника Катажины Кобро, его тётя приободрила находившегося тогда в непростом физическом и эмоциональном состоянии Владислава Стшеминского, привлекла его к искусству. Их отношения начинались как увлечение, но в итоге раскрыли талант двух выдающихся людей. Владислав Стшеминский нашёл для себя новую цель в послевоенной жизни. Они вместе нашли себя в искусстве.

Семья отца Георгия выехала из России в первой половине XX века. Родился он после Второй мировой войны в Зальцбурге. Сейчас отец Георгий знает 15 языков, имеет степень доктора философии и большой опыт преподавания в университете, очень любит пословицы и народный фольклор.

– Отец Георгий, добрый вечер.

– Добрый вечер.

– Отец Георгий, для нашего интервью мы подготовили множество интересных вопросов.

– Я ждал вашего звонка, пожалуйста.

– Отец Георгий, вы готовите новую книгу о вашей тёте. Почему вы решили её написать?

– Вот вопрос (с улыбкой). Во-первых, потому, что это мой семейный

Катаржина Кобро – артистка, рzeźbiarka, awangardystka, która wniosła znaczący wkład do polskiej sztuki pierwszej połowy XX wieku, zwłaszcza w dziedzinie konstrukttywizmu, supermatyzmu i neoplatonizmu. Uczyła się u Kazimierza Malewicza, współpracowała z Władysławem Strzemińskim i innymi wybitnymi artystami z tamtych czasów. Pracowała również jako siostra Miłosierdzia. W tym okresie poznała swojego przyszłego małżonka, Władysława Strzemińskiego, uczestnika obrony twierdzy Osowiec w I wojnie światowej.

Według siostrzeńca Katarzyny Kobro, ojca Jerzego, jego ciotka wsparła Władysława Strzemińskiego, który był wówczas w skomplikowanym stanie fizycznym i emocjonalnym, zachęcając go do sztuki. Ich związek zaczął się jako pasja, ale w końcu ujawnił talent dwóch wybitnych ludzi. Władysław Strzemiński znalazł dla siebie nowy cel w życiu powojennym. Oboje znaleźli siebie w sztuce.

Władysław Strzemiński i Katarzyna Kobra

Rodzina księdza Jerzego opuściła Rosję w pierwszej połowie XX wieku. Urodził się po II wojnie światowej w Salzburgu. Obecnie ojciec Jerzy zna około 15 języków, obronił doktorat hab. i ma duże doświadczenie pedagogiczne na uniwersytecie,

долг. Во-вторых, потому, что она меня очень любила, а я – её. В-третьих, потому, что я её ценю как человека не только от искусства, но и как Человека с большой буквы.

– Ваша книга будет написана на русском языке, почему?

– Да, поскольку на русском о моей тёте пока имеется не так много информации.

– Скажите, как вы освоили польский?

– Это семейная история. Перед Второй мировой войной моя мама уже немного знала польский, относилась с симпатией к польскому народу. Потом во время войны она попала в Польшу из Прибалтики. Моя мать устроилась на работу в польскую школу, в которой языком общения был немецкий. Иногда она обращалась к своим ученикам на польском языке. Из наших домашних рассказов помню, что дети её обучали, поправляли („*Proszę pani...*”). Был также комический случай. Однажды дети сказали: «Сегодня не хватает одного мальчика, он такой грубый». А она говорит: «Да нет, ну что вы, он очень воспитанный, я его люблю». «Да нет, *proszę pani*, он точно грубый». Позднее выяснилось, что по-польски «грубый» означает «толстяк», а она думала, что это «грубиян».

Что касается моего польского, у моей матери были польские друзья и подруги, которые приходили к ней в гости и просто разговаривали. Я всегда любил языки и воспринимал некоторые слова на слух. Уже позднее, в университете, я изучал славистику и западные языки. В качестве западного я выбрал польский, так как на нём уже кое-как умел изъясняться. Я очень люблю польский язык и стараюсь даже здесь, в Германии, если встречаю кого-то, кто знает польский, общаться на польском. Есть такая немецкая пословица: „*Wer rastet der rostet*” – «Кто ничего не делает, – покрывается ржавчиной».

– Ваша тётя известна как художница и как скульптор. Были ли у неё какие-нибудь хобби помимо рисования и скульптуры?

– Она любила преподавать, любила общение. Но это нельзя назвать увлечениями.

– Преподавать она любила, наверное, тоже по своей профессии?

– Не только. Например, любила обучать детей в Польше русскому языку. А помимо этого она мечтала, конечно, преподавать именно искусство. Её заветной мечтой было

увеличить признание и фольклор народной.

– Ojcie Jerzy, dobry wieczór.

– Dobry wieczór.

– Ojcie Jerzy, przygotowaliśmy wiele ciekawych pytań.

– Czekałem na Pana telefon, proszę bardzo.

– Ojcie Jerzy, pisze ojciec nową książkę o swojej ciotce. Dlaczego zdecydował się książkę ją napisać?

– Oto pytanie (z uśmiechem). Po pierwsze dlatego, że to mój rodzinny obowiązek. Po drugie, ponieważ ciocia bardzo mnie kochała, a ja ją. Po trzecie dlatego, że doceniam ją jako osobę nie tylko związaną ze sztuką, ale także jako osobę o wysokich cechach moralnych.

– Książka będzie napisana w języku rosyjskim, dlaczego?

– Tak, ponieważ w języku rosyjskim o mojej cioci jeszcze nie ma zbyt wielu informacji.

– W jaki sposób opanował książkę język polski?

– To rodzinna historia. Przed II wojną światową moja mama znała już trochę polski, sympatyzowała narodowi polskiemu. Dalej w czasie wojny trafiła do Polski znad Bałtyku. Moja matka dostała pracę w polskiej szkole, w której językiem komunikacji był niemiecki. Często moja mama zwracała się do swoich uczniów po polsku. Z naszych domowych opowieści pamiętam, że dzieci ją uczyły, poprawiały jej błędy („*Proszę pani...*”). Był też przypadek komiczny. Pewnego dnia dzieci powiedziały: „Dzisiaj brakuje jednego chłopca, jest taki gruby”. A ona mówi: „Nie, co wy mówicie, on jest bardzo grzeczny, lubię go”. „Nie, proszę pani, on jest zdecydowanie gruby”. Później okazało się, że po polsku „gruby” oznacza „otyły”, a ona myślała, że to „arogant”.

Jeśli chodzi o mój polski, moja matka miała przyjaciółki i przyjaciół z Polski, którzy przychodzili ją odwiedzić i po prostu rozmawiali. Zawsze kochałem języki i nauczałem się niektórych słów ze słuchu. Później, na uniwersytecie, studiowałem sławistykę i języki zachodnie. Jako zachodni wybrałem język polski, bo już w jakiś sposób radziłem z nim sobie. Bardzo lubię ten język i staram się nawet tutaj, w Niemczech, jeśli spotykam osobę polskojęzyczną, porozmawiać po polsku. Jest takie niemieckie przysłowie: „*Wer rastet der rostet*” – „Kto nic nie robi – pokryje się rdzą”.

– Ciocia księdza jest znana jako malarka i rzeźbiarka. Czy miała jakieś hobby poza

преподавать в Высшей школе изобразительного искусства, но, к сожалению, из-за различных препятствий у неё не всегда была такая возможность.

– Кто, на ваш взгляд, сыграл роль в становлении вашей тётки как художницы?

– Казимир Малевич, например. Она у него училась, это было сначала в Москве, потом уже в Смоленске. Был также целый ряд других известных художников, о которых можно будет прочитать в моей книге.

– А почему ваша тётка и её муж переехали в Смоленск?

– Переехали, чтобы открыть филиал авангардного художественного объединения «Утвердители нового искусства». Современное искусство уже развивалось. Увлечённые художники и скульпторы обучали молодёжь, интересующуюся этим направлением, поэтому открыли там филиал. Фактически, это Малевич открыл филиал в Смоленске, и дал уже Владиславу Стшеминскому, мужу Екатерины Кобро, и ей самой возглавить этот филиал.

– И далее они вернулись в Польшу?

– Да. Для неё, конечно, это означало большой риск на тот момент, так как она тогда ещё не владела польским. Но она очень быстро освоила польский, конечно, с русским акцентом. Жаль об этом говорить, но встречались ей и не очень приветливо настроенные люди, а в то же время нашлось огромное количество польских доброжелателей, коллег по искусству, которые стали её ценить. Им с мужем удалось войти в круги замечательных выдающихся на тот день польских художников и скульпторов.

– И она всегда с теплотой относилась к польскому обществу, которое её приняло, тоже достаточно доброжелательно?

– Очень, очень. До последних своих дней она поддерживала дружеские отношения с польскими знакомыми.

– Кого бы вы выделили как специалиста творчества Катажины Кобро? Кто сыграл наибольшую роль в сохранении памяти о ней?

– Первым, ещё в 60-е годы, был Януш Загородский. Он написал книгу о ней и о Владиславе Стшеминском. Потом моя кузина, их дочь, хоть и была корабельным врачом, медиком, но она тоже очень увлеклась этой темой.

Ещё в Лодзи, в Музее современного искусства, была хранильница архивов и

маларством и рzeźbą?

– Любила учыć, любила komunikację z ludźmi. Ale tego nie można określić jako hobby.

– Любила учыć, pewnie też z zawodu?

– Nie tylko. Na przykład любила учыć dzieci w Polsce języka rosyjskiego. A poza tym marzyła oczywiście o nauczaniu właśnie sztuki. Jej głównym marzeniem było nauczanie w Wyższej szkole sztuk pięknych, ale niestety z różnych powodów ona nie zawsze miała takiej możliwości.

– Kto, księdzka zdaniem, odegrał rolę w rozwoju cioci jako artystki?

– Na przykład Kazimierz Malewicz, uczыła się od niego, najpierw w Moskwie, potem w Smoleńsku. Było też wielu innych znanych artystów, o których będzie można przeczytać w mojej książce.

– Dlaczego Władysław Strzeмиński i Katarzyna Kobro przenieśli się do Smoleńska?

– Przenieśli się aby stworzyć oddział awangardowego Stowarzyszenia Artystycznego „Krzewiciele nowej sztuki”. Sztuka współczesna już się rozwijała. Zapaleni artyści i rzeźbiarze uczыli młodych ludzi zainteresowanych tym kierunkiem, więc otworzyli tam filię. W rzeczywistości to Malewicz otworzył filię w Smoleńsku i dał już możliwość Władysławowi Strzeмиńskiemu, mężowi Katarzyny Kobro, i jej samej stać na czele tej filii.

– A potem wyjechali do Polski?

– Tak. Dla niej oczywiście oznaczało to duże ryzyko w tamtym momencie, ponieważ nie znała jeszcze polskiego. Ale bardzo szybko opanowała polski, oczywiście z akcentem rosyjskim. Szkoda o tym mówić, ale spotkała i niezbyt przyjacielskie osoby, a jednocześnie znalazła ogromną liczbę polskich sympatyków, kolegów ze sztuki, którzy zaczęli ją doceniać. Wraz z mężem udało im się wejść do otoczenia niezwykle, wybitnych polskich malarzy i rzeźbiarzy tamtych czasów.

– A czy ona zawsze traktowała ciepło społeczeństwo polskie, które ją przyjęło, też dosyć życzliwie?

– Bardzo, bardzo. Do ostatnich dni życia utrzymywała przyjazne stosunki z polskimi znajomymi.

– Kogo wydzieliłby księdzka jako znawcę twórczości Katarzyny Kobro? Kto odegrał największą rolę w zachowaniu jej pamięci?

– Pierwszym, jeszcze w latach 60., był Janusz Zagrodzki. Napisał książkę o niej i o Władysławie Strzeмиńskim. Potem moja

произведений искусства, Зиновия Карницкая. Она стала большим специалистом по произведениям искусства моей тётки. Ну, и не могу не упомянуть директора Училища изобразительных искусств в Здыньской Воле. Его вдова подарила мне картину, которую он написал в мою скромную честь перед своей смертью. И вице-директор музея, Богумила Вернер.

Популяризатором жизни и творчества моей тётки также является живущая в Лодзи Мажена Бомановская. В 2011 году она издала очень интересную книгу «Семь бесед о Катажине Кобро», состоящую из интервью с разными людьми. Также я должен назвать ещё одного человека – профессор Юзеф Робаковский. Он искусствовед и тоже был популяризатором творчества Катажины Кобро.

Есть и целый ряд других лиц, которые до нынешнего дня пишут о творчестве Катажины Кобро в Польше. Например, мне очень нравится статья, которая называется «Дух Кобро в Академии изящных искусств». В Лодзи есть Академия изящных искусств, и она носит имя Владислава Стшеминского, мужа Катажины Кобро. А один из этажей называется именем Катажины Кобро.

Вам известно, что они развелись, но, несмотря на то, что между ними после развода была глубокая пропасть в области искусства, она никогда не говорила про него плохо, наоборот, говорила студентам: «Слушайте его, он знает, что говорит». Кстати, о них есть даже несколько фильмов, и самый известный – «Постобразы» Анджея Вайды. Это был последний фильм в его жизни.

Несмотря на развод, они всё же и после смерти остались единым целым, хотя их могилы находятся на разных кладбищах. На её могиле есть очень интересная плита, которую сделало общество почитателей, с надписью на двух языках – польском и русском, с цитатой из её творческого произведения.

– Отец Георгий, вот и подошла к концу наша беседа, было очень приятно пообщаться с вами. Премного вам благодарны.

– Спасибо и вам.

кузынка, их córka, chociaż była lekarzem okrętowym, medykiem, ale ona też bardzo interesowała się tym tematem.

Również w Łodzi, w Muzeum Sztuki Nowoczesnej, pracowała jako kustosz archiwów i dzieł sztuki, Zenobia Karnicka. Ona była wielką specjalistką na temat twórczości mojej cioci. No i nie mogę nie wspomnieć o dyrektorze Szkoły Sztuk Pięknych w Zdyńskiej Woli. Wdowa po nim podarowała mi obraz, który namalował na moją skromną cześć przed śmiercią. I wicedyrektor Muzeum, Bogumiła Werner.

Popularyzatorką życia i twórczości mojej cioci jest także mieszkająca w Łodzi Marzena Bomanowska. W 2011 roku wydała bardzo interesującą książkę „Siedem rozmów o Katarzynie Kobro”, składającą się z wywiadów. Muszę też wymienić jeszcze jedną osobę – profesora Józefa Robakowskiego. Był krytykiem sztuki, a także popularyzatorem twórczości Katarzyny Kobro.

Jest też wiele innych osób, które do dziś piszą o twórczości Katarzyny Kobro w Polsce. Na przykład bardzo podoba mi się artykuł „Duch Kobro w Akademii Sztuk Pięknych”. W Łodzi jest Akademia Sztuk Pięknych, imienia Władysława Strzemińskiego, męża Katarzyny Kobro. A jedno z pięter w nim nosi imię Katarzyny Kobro.

Wie pan, że Władysław i Katarzyna się rozwiedli, ale pomimo głębokiej przepaści między nimi po rozwodzie, Katarzyna nigdy nie mówiła o nim źle, wręcz przeciwnie, mówiła uczniom: „Słuchajcie go, on wie, co mówi”. Nawiasem mówiąc, jest o nich nawet kilka filmów, a najbardziej znanym jest „Powidoki” Andrzeja Wajdy. To był ostatni film w jego życiu.

Pomimo rozvodu oni i po śmierci pozostali czymś jednym, chociaż ich groby znajdują się na różnych cmentarzach. Na jej grobie leży bardzo ciekawa płyta wykonana przez towarzystwo wielbicieli, z napisem w dwóch językach – polskim i rosyjskim, z cytatem z jej twórczości.

– Ojcie Jerzy, nasza rozmowa dobiegła końca, bardzo miło było z księdzem porozmawiać. Bardzo dziękuję.

– Dziękuję również i pozdrawiam.

ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР МУСТАФИН

ТЕКСТ: ALEKSANDER MUSTAFIN

Лицей имени св. Станислава Костки в Варшаве

Liceum im. św. Stanisława Kostki w Warszawie

Хочу поделиться впечатлениями об учёбе в польской средней школе под названием Лицей имени святого Станислава Костки. Здания лицея и интерната при нём расположены в Варшаве.

Ближайшая автобусная остановка находится через дорогу, прямо напротив входа. Все автобусы ходят строго по расписанию, с которым можно ознакомиться на самой остановке, в мобильном приложении или на картах *Google*.

В шаговой доступности находятся продовольственные, хозяйственные магазины и аптеки. Так же недалеко можно найти симпатичные кафе, где можно выпить кофе и перекусить. На расстоянии приблизительно четырёх остановок от школы расположен большой пользующийся популярностью среди жителей и гостей Варшавы парк Лазенки. Большинство из нас предпочитает добираться до него пешком.

Интернат находится в пятиэтажном здании, если придерживаться польской традиции считать этажи, начиная с нулевого. На третьем, четвёртом и пятом этажах живут учащиеся школы. Мальчики – на третьем этаже, а девочки – на четвёртом и пятом.

На пятом этаже, кроме четырёх жилых комнат, есть комната для хобби и досуга, в которой можно заниматься рисованием и игрой на музыкальных инструментах. Также

на пятом этаже есть зона отдыха, в которой установлены два теннисных стола и один бильярдный. Здесь же можно смотреть фильмы на проекторе, расположившись на удобных диванах и креслах.

На пятом этаже также есть гардеробная и душевые, комната для сушки вещей и полки для выстиранной одежды. Вещи в стирку можно сдавать каждый день, кроме воскресенья. На каждом этаже есть комната, в которой имеется несколько чайников, холодильник и место, где можно перекусить.

Дополнительно каждый этаж оборудован помещением для занятий, где ничто не

отвлекает от выполнения домашнего задания. Далее находятся жилые комнаты, размещённые по обе стороны коридора.

На каждом этаже дежурят воспитатели, которые следят за порядком и режимом, а также отмечают выход учащихся за территорию школы и интерната. В интернате соблюдается строгий распорядок дня.

В будние дни подъём – в 6:20, завтрак – с 7:15 до 8:00, то есть до начала уроков в школе. Столовая расположена на минус первом этаже. Обычно предлагается несколько вариантов питания на выбор. Обед проходит с 13:20 до 14:20, после чего занятия продолжают либо до 15:10 или до 16:00.

После занятий до ужина (17:30) – свободное время. После ужина до 19:00 – также свободное время. С 19:00 до 20:45 – время для домашнего задания. Сразу после этого мы собираемся на вечернюю молитву, которая проходит отдельно у мальчиков и девочек. По завершении молитвы мы приступаем к уборке помещений: санузлов, душевых (кроме мытья полов), а также жилых комнат. После этого до отбоя есть время на принятие душа и подготовку ко сну. После отбоя в 22:00, дежурные убирают коридор и кухню, моют полы в санузлах и душевых.

В выходные подъём – в 9:00, завтрак – с 9:15, после завтрака (в субботу) нас ждёт уборка и свободное время. С 11:00 до 13:00 – время, посвящённое учёбе, в 13:30 – обед. После обеда – свободное время с перерывами на ужин в 17:30 и вечернюю молитву в 20:45. Отбой в субботу – в 23:00.

В воскресенье расписание немного отличается: перед обедом мы ходим в костёл, расположенный недалеко от интерната. А отбой – по расписанию буднего дня, в 22:00.

Также по субботам и воскресеньям разрешается выходить после обеда до 20:00, в пятницу – после уроков до 20:00. Правда, чтобы выйти в город, нужно отправить на электронную почту интерната письменное разрешение от родителя. Разрешение нужно отправить в четверг, после чего в этот же день необходимо подойти к воспитателю и записаться на выход в дни, указанные в разрешении.

Теперь расскажу о своём поступлении и учёбе в средней школе в Польше. Это частное учебное заведение, поэтому обучение в нём платное. О нём мы с родителями узнали

в Краснодарском национально-культурном центре «Единство».

Поступить в лицей можно после окончания 8-го или 9-го класса российской школы. В этом нет ничего сложного. Для этого нужно подготовить документы, список которых находится на сайте лицея <https://liceumpolonijne.edu.pl>. При нём же есть интернат для иностранных учащихся.

Однако следует иметь ввиду, что лицей имеет католическую направленность, что особенно заметно проживающим в интернате. Это выражается в регулярных молитвах перед каждым приёмом пищи, а также еженедельном воскресном походе в костёл на мессу. Также учащиеся обязаны беспрекословно соблюдать правила лицея и вести добропорядочный образ жизни.

Обучение в лицее святого Станислава Костки характеризуется искренним желанием учителей научить детей своим предметам и помочь им как можно лучше подготовиться к сдаче выпускных экзаменов, которые здесь называют «матура». Обучение проходит на польском языке. Но если вы недостаточно ещё его выучили, не отчаивайтесь, здесь к вам отнесутся с пониманием и помогут в его совершенствовании. Классы разделены по специализациям, как и в России, где усиленное внимание уделяется изучению выбранных предметов. Есть кружки по интересам и по углубленному изучению предметов, таких как математика, английский, химия и пр.

Ученики лицея участвуют в многочисленных конкурсах и фестивалях, которые проходят на территории всей Польши. Для этого дирекция лицея периодически организует образовательно-развлекательные экскурсии на несколько дней в различные города. Там ученики посещают музеи, участвуют в конкурсах (иногда вместе с преподавателями), знакомятся с высшими учебными заведениями страны, а так же много гуляют и веселятся.

Мне очень нравится учиться в этом лицее. Надеюсь и вам понравится! Добро пожаловать к нам!

ТЕКСТ: ВИКТОРИЯ БЕРДИЧЕВСКАЯ

Елань Сталинградская Jełań Stalingradzka

Эта публикация продолжает цикл статей пани Ванды Лактаевой, начатый в предыдущих выпусках нашего журнала.

Последней остановкой на нашем долгом пути по дороге от войны оказалась станция Елань Сталинградской области, отстоявшая около 300 км от Сталинграда и немногим более 100 км от Аткарска, места весьма примечательного для моего прадеда, который приходился дядей моей дорогой бабушке, но об этом несколько позднее.

А пока после остановки поезда все стали покидать свои вагоны. Встретила нас сухая жара резко континентального климата, с которым до сих пор я не встречалась. Всё кругом было залито палящим солнцем, от которого негде было укрыться. До того момента все люди, ехавшие в поезде, жили единой жизнью, а теперь всё распадалось. У всех были свои интересы и планы. Жизнь, ожидавшая нас, совсем не была похожа на прежнюю. Всё, что окружало нас теперь, было чужое и недружелюбное. Помощником в этой тяжёлой ситуации была большая любовь в нашей маленькой семье, и это стало нашим спасением.

Для начала нас разместили в колхозном клубе, где в пустом помещении для нашего сна и отдыха на полу предусмотрительно был разбросан слой сена. Мы были рады и этому. Никакого другого внимания я не помню. На другой день нас разводили по домам и обсуждали со взрослыми вопросы трудоустройства.

Мама пошла работать в колхоз, бабушка – в контору. Приютили нас в зажиточном доме, в семье из трёх человек, где нам дали настоящую кровать с постелью, однако очень скоро нам пришлось оттуда уйти и выживать самим. Нам были не рады. Местное население относилось к приехавшим беженцам настроенно и недоброжелательно. Помню, что упрекали всех за то, что ни у кого ничего не было. Говорили, что если у нас ничего с собой нет, то мы и раньше ничего не имели. Уверяли, что люди своё добро не оставят и не поедут в чужое место с пустыми руками. Говорили,

что бежавшие от немцев – очевидно, евреи, и у них и раньше ничего не было. «Вот Гитлер придёт и будет мостить дорогу вашими черепами», – часто слышали мы. Представление о гитлеровском режиме у местного населения было очень и очень приблизительное. Сами они не чувствовали нависшей над ними угрозы и не в силах были понять, что нам пришлось пережить в первые дни войны.

От услышанного мной овладевал страх, и по ночам я старалась спать, уткнувшись носом вниз, надеясь, что это поможет мне сделать нос более курносым и спасёт мне жизнь.

Мы, дети, когда взрослые работали, собирались в одном брошенном доме, где, объединённые лишь своей бездомностью, проводили весь день под присмотром двух взрослых женщин. Дом этот был совершенно пустой и безжизненный. Один раз в день приходила женщина, приносящая на коромысле два ведра пшённой молочной каши. Нам эту кашу делили по глиняным мискам. Хлеба и ложек не было, но мы съедали её с жадностью и удовольствием. До сих пор молочная пшённая каша – это одно из моих любимых блюд.

Вечером все расходились по своим родителям, возвращавшимся с работы. Не могу написать по домам, т.к. дома у нас не было. Все беженцы ютились, как могли, по чужим углам, подсобным помещениям (мои – на печи в конторе). А на следующий день повторялось всё то же самое.

Близился первый «бездомный сентябрь». Восемилетние дети пошли в школу. Мне было семь лет, и меня взяли в детский сад на освободившееся место, что частично решило проблему моего питания и поддержало моё здоровье.

Село Елань – очень большое, и повсюду пустовало много домов, из которых с начала войны выселили поволжских немцев. Но с собой у нас ничего не было, а опустевшие дома и дворы так старательно вычищались

хозяйственными соседями, что ничего не оставалось, поэтому начать там свою жизнь было невозможно. Теперь мама и бабушка вместе работали в одной конторе, которая тоже размещалась в одном из опустевших домов. Кухню и две комнаты этого дома занимала контора, а мы жили втроём на русской печке. Дров не было, а морозы стояли сорокоградусные. По рабочим дням контору отапливали хворостом и кизяком, а в выходные и праздники мы мёрзли на холодной печке, где вместо постели лежало сено.

Через какое-то время нам выдали валенки и телогрейки, которые не всегда спасали. На ночь мама и бабушка укладывали меня между собой, но к утру сено примерзало к стенке.

Случались также периоды, когда всякая еда в доме отсутствовала, а чувство голода мучительно не отступало, и бабушка, уходя на работу, могла мне посоветовать только больше спать. От недостатка питания у меня сделался большой живот.

Конечно семьи, у которых были родные на фронте, получали поддержку в виде пособия, но папы уже не было, и мы могли рассчитывать только на себя.

Помню, что одна из таких голодных и холодных ночей оказалась новогодней. Мы лежали на печке, стараясь заснуть. Еды никакой не было. Было темно, морозно и тихо. Неожиданно послышался стук в окно. Мы, конечно, никого не ждали. Это было чудо! К нам в такой мороз ночью пришла одна сотрудница из конторы. Я на всю жизнь её запомнила. Это была тихая незаметная женщина – Евгения Ивановна Палагина. Она принесла нам еду. Больше всего из принесённой еды мне запомнился холодец в мисочке и хлеб...

В этих условиях нам пришлось многому научиться, чтобы выжить. Наступивший 1942 год принёс нам некоторые улучшения.

Магазины по-прежнему не работали, и всё необходимое приходилось доставать у местного населения, которое на контакт шло очень трудно. Соль, спички и мыло не продавались. Когда нам нужно было разжечь огонь, меня посылали к соседям, у которых из трубы шёл дым. Там я просила немного горячих углей в жестянку – для разжигания печки. Керосин для коптилки доставали редко и с большим трудом. Бани не работали, и мыться

можно было только на реке летом, а зимой это было нам недоступно. Своё скудное бельё стирали речной глиной или настаивали воду на печной золе. Воду брали только из реки, зимой – из проруби. Леса не было, рос один кустарник – орешник, калина, краснотал, крушина, черёмуха. Заросли кустарника находились за рекой, но почему-то собирать хворост запрещалось. Лесник выслеживал нарушителей, гнался за ними и отбирал верёвку, без которой хворост нести было невозможно. В основном за хворостом ходили дети, и я тоже ходила, тоже убегала от лесника, т.к. верёвка у меня была чужая.

Научилась я и носить на коромысле воду, разжигать огонь в таганке и даже варить еду из крапивы, лебеды и свекольной ботвы, из которой бабушка делала «затируху», добавляя туда отруби, затёртые с яйцом между ладонями в крупные крошки.

Помню также малоприятный эпизод, связанный с особенностью торговли в то время. В выходной день мама ходила на местный базар, который организовывался прямо на улице. По двум сторонам дороги стояли продавцы, возле их ног лежали подстилки, на которых выкладывались продаваемые товары, а между ними ходили покупатели, которые могли видеть всё предлагаемое. Мама на этот рынок взяла меня с собой. Бабушка, провожая нас, дала мне на мои расходы семь рублей, которые я зажала в кулаке и пошла с мамой. Нам необходимы были нитки. Катушка ниток стоила двести рублей.

Мама шла стремительно, целенаправленно высматривая то, что её интересовало, а я за ней с трудом успевала. Вдруг я заметила лежащие на подстилке у ног женщины два огурчика. Отстав немного от мамы, спросила цену, но в ответ услышала вопрос, есть ли у меня деньги. Я показала свои семь рублей. Тогда услышала, что они стоят как раз семь рублей. Я отдала деньги, схватила огурцы и бросилась было догонять ушедшую вперёд маму, как внезапно почувствовала, что меня схватили за шиворот. Я оглянулась. Это был мужчина, приказывающий мне положить огурцы обратно. Испугавшись, я громко позвала маму. Мама появилась и, моментально разобравшись в ситуации, велела женщине вернуть мне деньги, а злосчастные огурцы снова оказались на подстилке. Таким был мой

первый опыт покупателя.

Весной 1942 года нам дали землю под картошку. Эта земля была от подсобного хозяйства конторы, где работали мама с бабушкой. Находился наш участок далеко за селом, но мы с мамой очень радовались и вечерами после работы ходили копать огород. Возвращаясь домой к нашей бабушке, мы знали, что голодными она нас не оставит, найдёт возможность накормить нас горячей едой. Идти обратно ночью было страшно, и, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, мама пела всю дорогу свои любимые песни. Самой любимой была задушевная песня М. Глинки:

Не щербечи, соловейку,
Під вікном близенько.
Не щербечи, малюсенький,
На зорі раненько,

Твоя писня дуже гарна,
Ти гарно співаєш,
Ти щасливий-спарувався
И гніздечко маєш...

А я, бідний, безталанний,
Без пари, без хати,
Не досталось мені в світі
Весело співати.
Не досталось мені в світі
Весело співати.

Даже в такое время мама находила в душе место прекрасному. Она ходила со мной перед сном на берег реки, мы усаживались в тишине на траву, мама говорила о красоте неба, звёзд, луны, медленно плывущей воды в реке и пела своим приятным чистым голосом: «Слети к нам тихий вечер на мирные поля».

Я ещё не упоминала о том, что мама моя (тоже полька), очень рано оставшись без матери, воспитывалась своим отцом – Ипполитом Львовичем Клещевским – потомком графов Клещевских, имеющих поместья в Проскурове (тогда польском *Proskurowie*). Само пребывание рядом с этим благороднейшим и умнейшим человеком могло сформировать личность неординарную, которой мама и стала. Но это тема совсем другой истории.

На территории того же подсобного хозяйства часто бывал скот, который

стихийно уходил от пожаров. Мама и я научились доить коров, чему животные были рады, т.к. ими никто не занимался. Вымя у коров было большим и воспалённым, но они терпели, когда мы их доили, принимая это, как помощь. Нам казалось, что мы слышали их мольбу о помощи и благодарное мычание.

Благодаря этому у нас временами появлялось молоко целыми вёдрами.

Ещё весной мама смогла купить двенадцать крошечных цыплят. Правда, из них доросли, сохранившись, лишь пять взрослых кур. Мы доставали навоз и делали с мамой кизяк на зиму. Летом маму забрали из конторы на работу в колхоз и одновременно копать окопы. Работы в колхозе осенью закончились, и мама получила за свой труд мешок муки и мешок пшеницы. А окопы ходили копать всю морозную зиму. Копали окопы на колхозном поле, где не успели убрать сахарную свёклу и теперь, долбя ломом мёрзлую землю, люди откапывали глыбы земли вместе с вмерзшей в неё свеклой. Возвращаясь домой, мама почти каждый раз приносила после работы добытые замороженные корнеплоды, а бабушка умудрялась приготовить из них что-то съедобное для нас.

Помню ещё, что бабушка никак не могла успокоиться после одного эпизода с пряниками, которыми в то голодное время угостила меня малознакомая женщина, а я, придя домой, с радостью разделила эти два пряника между мамой и бабушкой. А когда бабушка, вскоре встретившись с этой женщиной, стала благодарить её за угощение, то услышала, что пряники она дала ребёнку и их было всего два. Бабушка очень долго переживала и не могла это забыть.

Фронт приближался к нам. По ночам, лёжа на печке, мы научились различать гул наших и вражеских самолётов. Это было время самых напряженных сталинградских сражений. В эту зиму я в первый раз увидела советского офицера в погонах и солдата. До этого времени это были не офицеры, а командиры, и не солдаты, а красноармейцы без погон.

Зима эта запомнилась ещё и эпидемией туляремии, или мышинного тифа. Мышей было много. Они, как живой ковер, закрыли реку, убегая от военных пожаров, и рассеялись после переправы по всей местности.

С лекарствами было трудно. Мы все трое лежали больные на печке с температурой. Лекарства, которые удалось для меня достать бабушке, назывались стрептоцид и сульфидин. Я болела очень долго, тяжело и с осложнениями, но мы победили.

Свой первый класс я проучилась в Елани. Занятия проводились в одном из домов, опустевших после выселения. Сельская школа использовалась под госпиталь, а парты нам перенесли в этот дом. Там в одном помещении размещались сразу два класса – первый и второй, а учитель был один. Школа была далеко от нашего дома, и было страшно идти по тёмному заснеженному селу в очень плохой одежде в сорокаградусный мороз.

По дороге в школу на меня выскакивали собаки. Мне было их очень жалко: они были голодные на улице в такой сильный мороз. Так что свой нехитрый завтрак, собираемый мне моей бедной бабушкой, я ухитрялась разделить с ними, и через недолгое время они уже меня признавали и ждали в определённых местах. С собаками мы подружились.

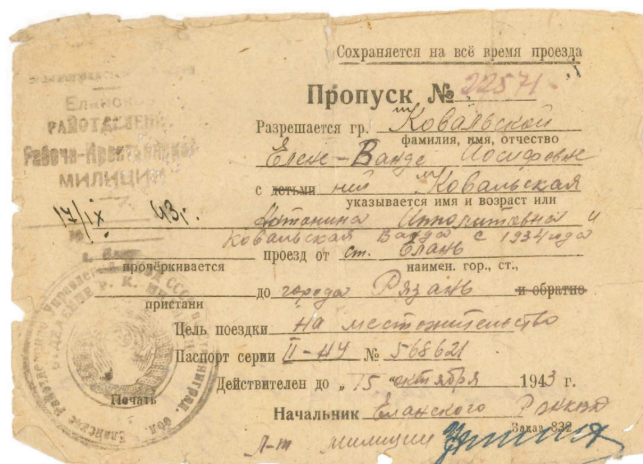
В первом классе у нас уже был урок военного дела. С нами вели беседы на военные темы и даже сложное старались объяснить доступной детям форме. Ещё мы ходили в госпиталь со своей художественной самодеятельностью, шили и вышивали для раненых военных кисеты, дарили им наши рисунки.

В 2022 году исполнилось 80 лет с того исторического момента, когда свершился разгром фашистских войск в Сталинграде. Сейчас трудно передать, какой радостью и надеждой переполнялись тогда наши сердца. Усилилась вера в реальную возможность вернуться обратно на нашу освобождённую землю. Мы всё время верили, что мы когда-нибудь вернёмся домой.

Перемещаться по стране в военное время без официального разрешения властей запрещалось, и бабушка предпринимала со своей стороны доступные ей попытки реализовать наше заветное желание.

В конце концов, благодаря инициативе и стараниям моей бабушки 2 октября 1943 года нам удалось оказаться в спокойной и мирной Рязани, где нас ждали близкие люди. Мирная Рязань – это значит, что люди тут ежедневно получали хлеб. Пусть по карточкам, но ежедневно. Рабочим полагалось 500 г,

служащим – 400, детям – 300, и иждивенцам – 250. В Елани этого не было. Наш переезд стал возможным также благодаря длительным упорным хлопотам моего прадеда Сильвана Владиславовича Коревицкого, который в это время проживал в Рязани со своей женой Марией Дмитриевной Коревицкой (урожденной Беляевой). Когда хлопоты Сильвана Владиславовича увенчались успехом, мы получили разрешительную визу на въезд в Рязань. Эта виза до сих пор цела и хранится в домашнем архиве.

Трудно сказать, да и страшно подумать, как сложилась бы наша судьба, если бы не вмешался в неё Сильван Коревицкий, который всегда помогал своим родственникам (и не только в сложных жизненных ситуациях). Слово «благотворительность» было тогда многими забыто, но мой прадед оставался верен себе и своим строгим жизненным правилам и делал всё, что только могли ему позволить его чрезвычайно скромные по тем временам возможности.

Свои воспоминания о замечательной жизни и деятельности этого достойного поляка, которую не смогли стереть ни революция, ни войны, я попробую описать в следующих выпусках. А пока переезд вернул в наши души покой и уверенность, что всё теперь будет хорошо, и, уставшие от каждодневной борьбы за жизнь, мы передали бразды правления нашему ангелу-хранителю – Сильвану Владиславовичу Коревицкому.

**ТЕКСТ: ВАНДА ВЛАДИМИРОВНА
ЛАКТАЕВА (КОВАЛЬСКАЯ)**

Zygmunt Krasiński – ideolog szlachty

Зыгмунт Красиньский – идеолог шляхты

Każdy pisarz żyje w swojej epoce i można go zrozumieć tylko biorąc pod uwagę kontekst czasu, okresu historycznego i całego środowiska, w którym on się znajduje. I właśnie w tym sensie warto zastanowić się i przestudiować twórczość i życie Zygmunta Krasińskiego.

Pełne imię pisarza to Napoleon Stanisław Adam Feliks Zygmunt Krasiński. Imię Krasińskiego – Napoleon łączy go z cesarzem francuskim Napoleonem i – z Francją. Ojciec Zygmunta Krasińskiego pisał w swoich pamiętnikach, że Zygmunt został ochrzczony przez Napoleona Bonapartego. Jednak logika podpowiada, że w 1812 roku Napoleon zajmował się zupełnie innymi tematami i nie mógł ochrzcić polskiego chłopca. Najprawdopodobniej informacja, że Zygmunt Krasiński jest chrześniakiem Napoleona, to tylko piękna rodzinna legenda. W tym momencie ojciec Krasińskiego służył Napoleonowi, był w wojsku francuskim, a następnie, po klęsce Napoleona, przeniósł się do Rosji i zaczął służyć carowi. I takie przejście ojca pisarza z jednego obozu do drugiego odbijało się także na życiu Zygmunta Krasińskiego i polegało na potrzebie posłuszeństwa ojcu, szukaniu kompromisów, choć może dusza pragnęła czegoś innego.

W rzeczywistości życie Zygmunta Krasińskiego rozpoczęło się i zakończyło we Francji, francuski był jego drugim językiem ojczystym oprócz polskiego, a Francja była krajem, w którym napisał swoje najsłynniejsze utwory.

Zygmunt Krasiński często stawiany jest na równi z przedstawicielami polskiego romantyzmu Mickiewiczem i Słowackim, jednak w rzeczywistości oni byli zupełnie różnymi ludźmi. Zygmunt Krasiński pochodził z rodziny arystokratycznej, był synem generała napoleońskiego, a następnie wiernym poddanym cara rosyjskiego, ożenił się na polecenie ojca z bogatą rosyjską frejliną Jelizawietą Branicką, w 1829 roku wyjechał do Paryża i przeżył tam większość swojego życia, zawsze żył na bogato i był obojętny na potrzeby innych.

W swoich poglądach Krasiński opierał się na polskiej szlachcie, którą uważał za sól polskiej ziemi i nie dopuszczał do tego, by zwykli ludzie mogli uczestniczyć w powstaniu, zmienić losy Polski. Uważał, że próba wyzwolenia Polski wbrew polskiej szlachcie przyniesie zwycięstwo motłochu, podważy wszelkie fundamenty polskiego społeczeństwa i może zniszczyć religię.

Charakterystyczną różnicą między Mickiewiczem a Krasińskim był stosunek Krasińskiego do dekabrystów. Jeśli Mickiewicz w pełni poparł ten ruch, zbliżył się do Bestużewa i Rylejewa, podzielał poglądy i ideały dekabrystów, to Krasiński poparł stanowisko cara Mikołaja I, udał się z nim na osobiste spotkanie w Petersburgu i ogólnie przyłgął do reakcyjnych poglądów. Jednocześnie Krasiński po spotkaniu z carem pisał w swoich pamiętnikach o niepodległości Polski, o innym sposobie życia w Polsce, gdzie jest dużo wolności i tożsamości narodowej.

Jego romantyczny bunt był literackim i rodzinnym buntem przeciwko ojcu. Ogólnie wpływ ojca na Zygmunta był ogromny. Synowi nigdy nie udało się wydostać spod opieki „domowego tyrana, który nieskończenie kocha swoje jedyne dziecko”; generał stale ingerował we wszystkie sprawy i życie osobiste swojego syna. Niemal zawsze poeta był w stanie permanentnego konfliktu z własnym ojcem.

Miało miejsce jeszcze jedno spotkanie, które bardzo wpłynęło na życie i twórczość Krasińskiego – była to znajomość zawarta w Neapolu w grudniu 1838 roku z Delfiną Potocką. Początkowo Krasiński zareagował na nią dość niejednoznacznie, ale wkrótce „droga Beatrice” stała się jego żoną. Nieoczekiwane uczucie przyniosło poecie wiele lat twórczego wzrostu, ich związek trwał mniej niż 10 lat, a następnie przekształcił się w przyjaźń.

Wpływ Delfiny na twórczość poety był ogromny. Ich wieloletnia korespondencja jest uderzająca i urzekająca – ponad 5000 listów (zachowało się około 700).

Delfina była mężatką, Krasiński był żonaty z rosyjską frejliną, miał dzieci, więc oni z Delfiną nie mieli szans na wspólną przyszłość, jednak to wszystko nie było przeszkodą dla jego relacji z Delfiną Potocką.

Jeśli chodzi o twórczość Krasińskiego, to warto zauważyć, że zaczął pisać od drugiej połowy lat 20. XIX wieku, tworząc dzieła w duchu romantycznej prozy historycznej z elementami mistycyzmu i powieści „gotyckiej”: „Grób rodziny Reichstalów” (1828), „Władysław Herman i jego dwór” (1830), „Agai Khan” (1834) i inne.

W latach 30. XIX w. rozważając doświadczenia Powstania listopadowego 1830-1831. i rewolucji w Europie Zachodniej Krasiński napisał swoje najlepsze utwory – dramat fantastyczny „Nie-Boska komedia” (1835) i sztukę o schyłku starożytnego Rzymu „Irydion” (1836).

„Nie-Boska komedia”, jedna z najwybitniejszych kreacji nie tylko polskiej, ale i ogólnoeuropejskiej literatury. Nazywana jest komedią na wzór Dantego, którego autor darzył głębokim szacunkiem i którego pod wieloma względami przypominał, nawet w charakterystycznych cechach swojego talentu. Przymiotnik „Nie-Boska”, kontrastujący z „Boską” Dantego, oznacza, że wiersz nie pokazuje życia pozagrobowego ludzi, tylko ziemskie, nowoczesne społeczeństwo europejskie, smutne

i straszne jak piekło, przedstawiające walkę dwóch stron. Z jednej strony widzimy przestarzałe, umierające oficjalne społeczeństwo, w którym nie ma ideałów, a dominują tylko kłamstwa. Z drugiej strony pojawia się kwestia społeczna, niegrzeczny i głodny motłoch domaga się równości w korzystaniu ze wszystkich błogosławieństw życia i władzy. Walka toczy się w nieznaną krainie i państwie.

Pisarz potępił samą ideę rewolucji, opartej na przemocy, zdradzie, nienawiści i zemście. W ten sposób nie da się zbudować nowego, lepszego świata, dlatego obie strony ponoszą klęskę w dramatach Krasińskiego, a na scenie pojawia się trzecia siła, ucieleśniająca najwyższe prawo moralne – Opatrzność, czyli Bóg.

Kolejne ważne dzieło Krasińskiego, dramat fantastyczny „Irydion” (1836), rozwija tę ideę. Przenosi czytelnika w epokę upadku pogańskiego Rzymu. Grek Irydion chce zemścić się na Rzymie za zniewolenie swojej Ojczyzny i w tym celu próbuje wciągnąć prześladowanych chrześcijan w otwartą i zbrojną walkę z Rzymem. Drogą, na którą chce zniewolić wyznawców Chrystusa, jest droga Antychrysta: cel nie może usprawiedliwiać środków, a chrześcijaństwo nie może zwyciężyć przemocą. Irydion zostaje pokonany, a jego duch po upływie wieków musi ponownie wcielić się w osobę ze zniewolonej Ojczyzny, ale już nie w Grecji, zaś we współczesnej Polsce. I pamiętając swój pierwszy błąd, musi iść do wyzwolenia nie przez oszustwo, zemstę i przemoc, lecz przez cierpliwość i miłość. Wysyłając Irydiona do Polski, Bóg obiecuje, po długich mękach, dać to, co obiecał ludziom z wysokości Golgoty – wolność.

W latach 40. XIX wieku Krasiński jeszcze ostrzej zaprzecza ideom rewolucyjnej reorganizacji społeczeństwa i powołuje się na wartości chrześcijańskie, których nosiciela uważa obecnie za szlachtę polską, widząc w niej wiodącą siłę duchową narodu, mającą na celu ratowanie ludu przed zrywami rewolucyjnymi.

System pomysłów, który wyznaje Krasiński, ma nie tylko znaczenie historyczne, ale też inspiruje siłą miłości do Ojczyzny, do Polski, zaskakuje pięknem obrazów i języka.

TEKST: ANNA KOMAROWSKA

Польские народные инструменты

Polskie instrumenty ludowe

Всем известен афоризм «В песне – душа народа». А принадлежит он известному драматургу – Александру Николаевичу Островскому. Продолжение же афоризма звучит так: «Загубишь песню – убьёшь душу!». Недаром говорят, что песня всегда устремлена ко всему лучшему. Это – связь времён, мост между прошлым и будущим. Пока будет жить музыкальный народный дух любого древнего края, никогда не смолкнут проникновенные задорные песни и танцы.

Польский фольклор всегда тяготел именно к инструментальному началу и развивался в сторону танца и инструментализма значительно больше, чем в сторону чистой песенности. Даже песня в Польше заимствовала много своих черт из инструментальной музыки.

Народная музыка являлась одной из важнейших составляющих духовной культуры. Она звучала во время проведения обрядов, трудовой деятельности, на праздниках и во время досуга. Считалось, что она имела магическое воздействие на людей, природу и потусторонние силы.

Какая же музыка без инструментов? С их помощью извлекались различные музыкальные, а также немusикальные звуки (сигналы опасности, обережные звуки). Использовались они на праздниках, похоронах и для синхронизации действий (например, у гребцов) или для коротания времени (пастухами).

Музыкальные инструменты наделялись часто свойствами ритуальных предметов и использовались в семейных и общественных обрядах, а также в магической практике.

Сегодня мы окунёмся в мир польских народных инструментов. Многие имеют непривычные для нас и даже странные названия, а их неповторимое и своеобразное звучание и предаёт колорит польской народной музыки.

По-научному народные инструменты можно разделить на несколько групп – идиофоны, мембранофоны, хордофоны и аэрофоны. Рассмотрим каждую из них.

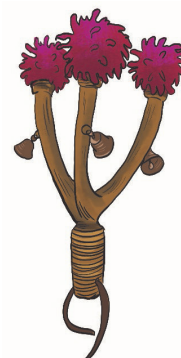
Идиофоны

Идиофоны – это музыкальные инструменты, где источник звука – само тело инструмента или его часть, не требующие для звукоизвлечения предварительного натяжения или сжатия (натянутой струны либо мембраны).

Это самый древний вид музыкальных инструментов. Идиофоны присутствуют во всех культурах мира. Они изготовлены по большей части из дерева, металла, керамики либо стекла.

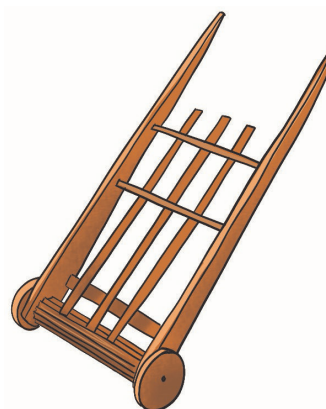
В Польше это были всяческие колокольчики, трещотки, молотки и прочие создатели шума – *dzwonki, grzechotki, kołatki, terkotki*.

Dzwonki – Такие колокольчики использовались, например, на свадьбах. Ими трясли во время пения. Изготавливали их из дерева, пряжи и металла.

Дзвонек

А вот и знакомые нам трещотки. Самая, пожалуй, необычная – *terkotka taczkowa*. Трещотка-тележка – кати и играй. Использовалась также во время колядования и на святой неделе вместо колоколов.

Трещотка-тележка

Мембранофоны

Следующая группа инструментов – мембранофоны. Это музыкальные инструменты, источником звука которых является мембрана – кожа животных, синтетическая плёнка и т.д. Звук извлекается преимущественно путём удара по мембране. К этой группе инструментов относятся барабаны, бубны и целые барабанные установки. Использовались в народных музыкальных коллективах.

Самый интересный барабан – *burczybas* (бурчибас). Но это не совсем барабан. Дело в том, что в него не бьют, а дергают за хвост. Один человек его держит, другой – дёргает. В современной музыке он используется до сих пор – в составе фолк-групп.

Бурчибас

Хордофоны

Следующая группа – хордофоны. Это музыкальные инструменты, источником звука которых являются натянутые струны.

К этой группе относятся как и всем знакомые скрипки, так и очень похожие на них мазанки. Правда, держат мазанку не на плече как скрипку а ниже, где-то в районе подмышки, а ещё у мазанки всего три струны. По размеру они меньше скрипки и очень «скрипучие».

Использовались в свадебном обряде. Пока играли мазанки, барин угощал гостей водкой и пивом и «ущерб» нёс сам, с того же времени как начинали играть скрипки, все

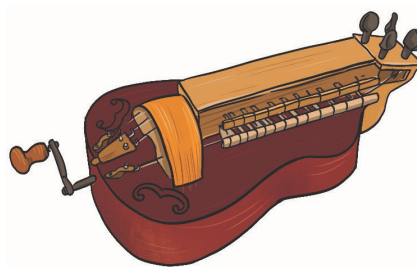

Слева направо: скрипка, мазанка, злбцоки

расходы на водку и пиво, а также непредвиденные расходы и убытки, несли уже гости свадьбы.

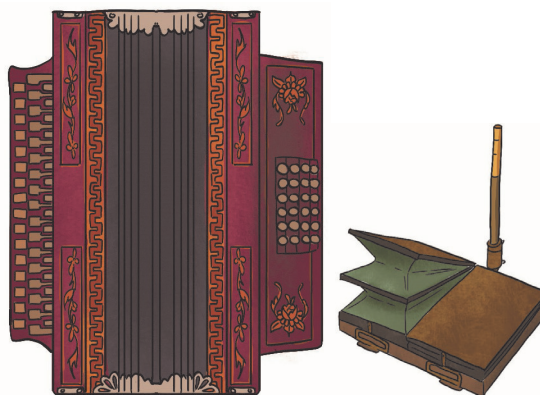
Третий интересный инструмент – злбцоки. Этот не очень громкий инструмент использовался до распространения скрипки. Строй такой же, как и у скрипки.

Вот ещё очень интересный инструмент – лира (она же кудрявая лира, дедушкина лира, нищенская лира, деревенская лира, колесная лира). Играли на ней в основном бродячие певцы «дзяды», вращая ручку со встроенным колесом.

Ли́ра

А вот такое чудо – педальная гармония – распространилось после Первой мировой войны справа от Вислы и на Подлясье.

Педальная гармония

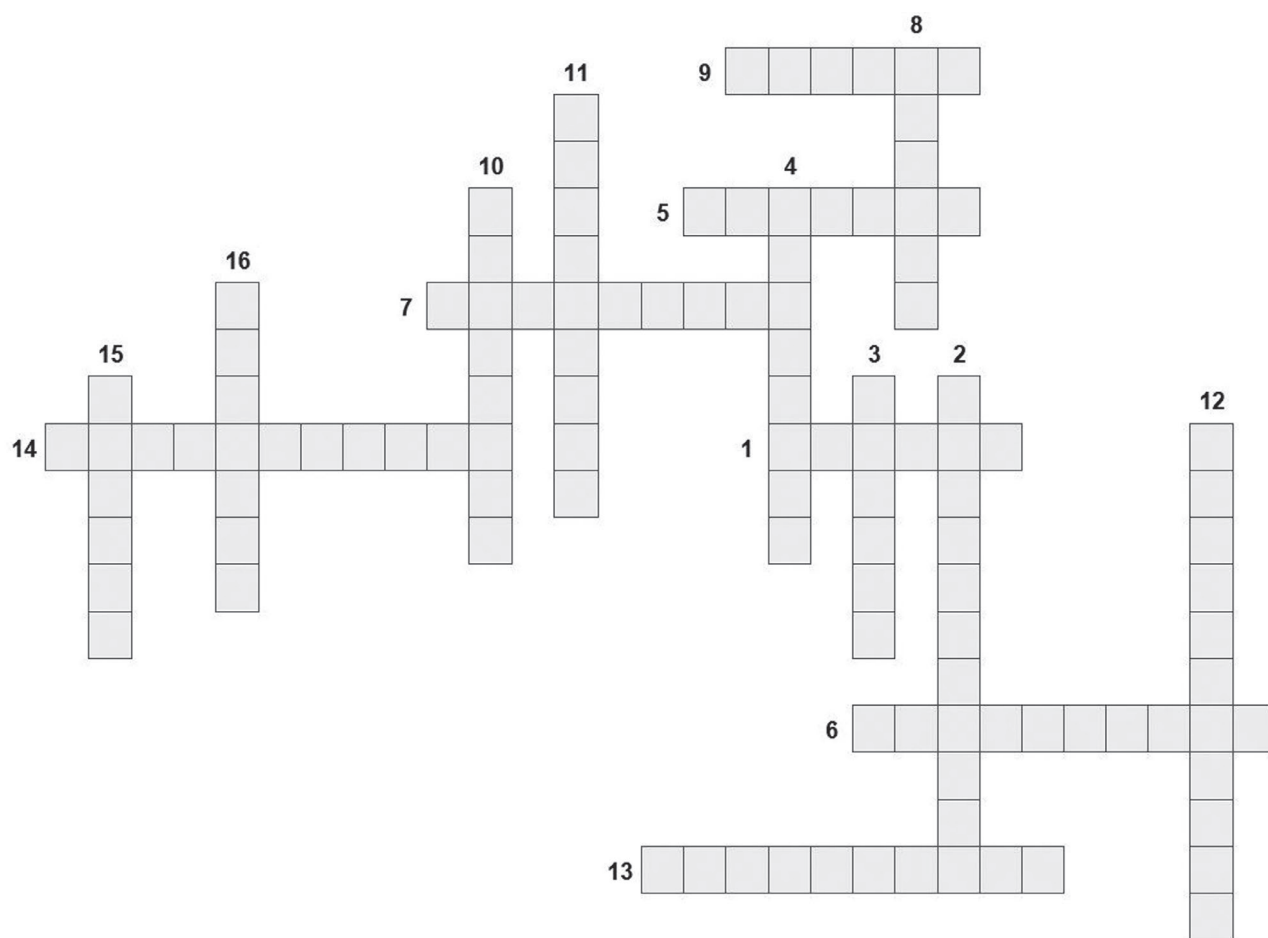
В заключение хотелось бы сказать, что у многих польская музыка ассоциируется с Шопеном. Польша – музыка – Шопен. Но без польской народной музыки не было бы и «того» Шопена. Ведь именно проникновение черт польской и в целом славянской народной музыки в творчество Шопена определило оригинальность его стиля, быть может, даже в большей степени, чем новизна пианистического мышления.

Послушать звучание каждого из музыкальных инструментов можно тут:

<https://ludowe.instrumenty.edu.pl/>

**ТЕКСТ: ЯНИНА ИГНАТОВА
РИСУНКИ: АННА КРАВЕЦ**

Разгадай кроссворд

1. Фамилия гениального польского пианиста и композитора эпохи Романтизма.

2. Фамилия художника, крупнейшего представителя Романтизма, награждённого орденом Святого Станислава за заслуги в области управления металлургической промышленностью.

3. Какая книга А. Мицкевича появилась в 1822 году?

4. Фамилия автора стихотворения «Гимн» 1894 года.

5. Кем по профессии была Людвика Енджевич (Ludwika Jędrzejewicz), старшая сестра Ф. Шопена?

6. Город, в котором родился А. Мицкевич.

7. Его главная заслуга – создание национальной оперы. Его первая опера – «Галька». Его песни заложили основы польской национальной музыки. Кто он? (Фамилия)

8. В каком городе есть театр имени автора произведения «Кордиан», перед которым стоит памятник А. Фредро?

9. Какой замок послужил прообразом владения Хорешков из поэмы «Пан Тадеуш»?

10. Его считают отцом польской пейзажной живописи.

11. С 1961 г. в Опиногуре неподалёку от Цеханова существует Музей романтизма. Творчеству какого поэта он посвящён?

12. Фамилия автора исторической трилогии о Речи Посполитой.

13. Как называется эпоха, следующая за эпохой Романтизма?

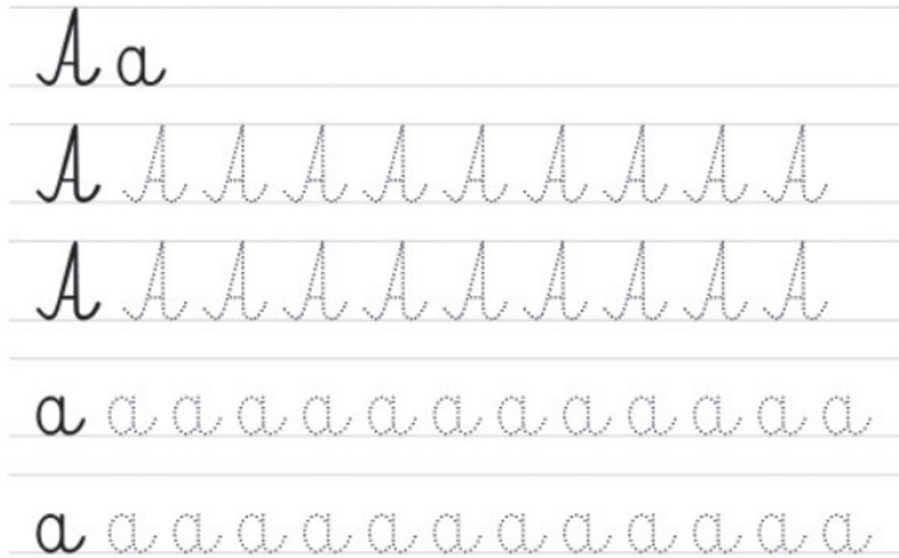
14. Город, в котором родился Юлиуш Словацкий.

15. Фамилия графа и автора книги „Zemsta”.

16. Имя автора драмы «Иридион».

Uwaga: wszystkie odpowiedzi są w języku polskim!

Тут можешь потренироваться в прописи польских букв:

Найди в кубике ниже слова из статьи про музыкальные инструменты

H	A	R	M	O	N	I	A	L	E	D	I	F	Ś	T
W	Ę	Y	M	Ś	Y	V	L	Ę	Ż	X	L	G	Ą	H
O	B	Q	H	X	Ń	E	Ą	Y	S	G	Q	Ł	Ć	Ć
I	C	O	Ż	S	Ę	R	P	L	Q	B	K	V	S	S
K	D	T	A	M	B	U	R	Y	N	H	H	C	Q	Ę
N	T	P	S	E	X	Ś	R	Ń	Q	Y	M	R	U	M
O	Ł	L	Ą	S	Ł	D	L	O	Ż	Ę	A	J	Ł	Ę
W	I	K	O	C	B	Ó	Ł	Z	D	Q	Z	Q	Ą	G
Z	Q	S	Ś	B	U	R	C	Z	Y	B	A	S	Ł	N
D	G	Z	A	K	W	A	G	I	L	B	N	W	Ć	Ł
Q	Ć	U	D	Ł	J	N	C	H	N	Ł	K	A	S	S
K	I	C	A	L	T	E	S	A	B	Ń	A	R	D	R
K	I	K	T	O	K	R	E	T	Ś	I	Ś	K	Ż	Ś
B	T	Ł	L	A	K	T	O	H	C	E	Z	R	G	K
Ł	K	R	N	E	B	Ę	B	Ą	Ć	R	X	U	Ń	Ó

СОСТАВИТЕЛЬ: АЛЕКСЕЙ ПРИЛИПУХОВ

Ответы

- 1. Dzwonki
- 2. Grzechotka
- 3. Trzcinka
- 4. Burtzybas
- 5. Bęben
- 6. Tamburyn
- 7. Baseta
- 8. Fidel
- 9. Złobcoki
- 10. Mazanka
- 11. Natomiast
- 12. Lągawka

- 1. Chopin
- 2. Michalowski
- 3. Poezyc
- 4. Slowacki
- 5. Pisanaka
- 6. Nowogroddek
- 7. Moniszko
- 8. Krakow
- 9. Mirski
- 10. Glowacki
- 11. Kasinski
- 12. Sienkiewicz
- 13. Poznytywizm
- 14. Kzemieniec
- 15. Fredro
- 16. Zygmunt

2 задание

1 задание

A. Krawiec